

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2016

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **В. С. Белых**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Стариков**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

O. G. Alekseeva (candidate of law, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **V. S. Belykh** (doctor of law, prof.); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of law, prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **D. V. Osintsev** (candidate of law, assoc. prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, prof.); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Архипов С. И. (Екатеринбург) Представления о праве Никласа Лумана 5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Рогозина А. А. (Екатеринбург) Инвестиционный арбитраж
на постсоветском пространстве: опыт договорного регулирования 13

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Гришечкин В. В. (Екатеринбург) Зарубежный опыт
правового регулирования отношений общности прав 17

Кургузинов М. С. (Екатеринбург) Формирование органов
конституционного контроля в странах СНГ 31

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бирюков В. В. (Екатеринбург) Регистрационная информация:
понятие, свойства и содержание 38

Нелюбин К. А. (Екатеринбург) Использование криминалистических
алгоритмов при разрешении проблемных следственных ситуаций
по делам об убийствах 43

ХРОНИКА

Бодрова Э. Э., Костогрызлов П. И. (Екатеринбург)
Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность
(«Таврические чтения-2015»): обзор конференции 49
Интересные факты об ООН 58

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. I. (Yekaterinburg)* Niklas Luhmann's legal conception 5

INTERNATIONAL LAW

- Rogozina A. A. (Yekaterinburg)* Investment arbitration in post-Soviet countries:
the experience in contractual regulation 13

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Grishechkin V. V. (Yekaterinburg)* The foreign experience in legal regulation
of community of rights 17
- Kurguzikov M. S. (Yekaterinburg)* Ways to form the bodies
of constitutional control in CIS countries 31

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Biryukov V. V. (Yekaterinburg)* Registration information:
the concept, characteristics and content 38
- Nelyubin K. A. (Yekaterinburg)* Resolution of the investigative problematic
situations in cases of murders using the forensic algorithms 43

CHRONICLE

- Bodrova Eh. Eh., Kostogryzov P. I. (Yekaterinburg)* Urgent problems
of parliamentarism: the past and the present («Tauride Palace Readings-2015»):
a review of the conference 49
- Interesting facts about the UN 58

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВЕ НИКЛАСА ЛУМАНА

Архипов Сергей Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: arhip10@mail.ru

Исследуется юридическая теория Никласа Лумана, которая является одной из наиболее интересных версий современного социологического типа правопонимания. Автор касается центральных вопросов данной теории: как право отграничивает себя от других подсистем общества; является ли юридическая система оперативно закрытой (подобно системам, воспроизводящим самих себя) или оперативно открытой? Подробно анализируются предложенные Никласом Луманом характеристики юридической системы, а также функции права, путь его эволюции как аутопойетической системы, роль судов (юстиции) в юридической системе общества, соотношение политики и права.

Ключевые слова: теория права, социология права, аутопойесис, юридическая система, правовая коммуникация

NIKLAS LUHMANN'S LEGAL CONCEPTION

Arkhipov Sergey

Urals State Law University (Yekaterinburg), e-mail: arhip10@mail.ru

The article researches Niklas Luhmann's theory that is one of the most interesting versions of sociological law interpretation. The author touches upon the key issues of this theory: what differentiates law from other parts (sub-systems) of society? Is legal system operatively close (like systems that reproduce themselves) or operatively open? He analyzes in detail the fundamental statements of Niklas Luhmann's theory: the characteristics of legal system, the functions of law, its evolution as an autopoietic system, the role of courts in legal system of society, the relationship between politics and law.

Key words: theory of law, sociology of law, autopoiesis, juridical system, legal communication

Никлас Луман (1927–1998) – выдающийся немецкий социолог, автор более 30 монографических работ, в которых отражен практически весь спектр актуальных проблем (политических, экономических, моральных, правовых и т. д.) жизнедеятельности общества. Основной труд Н. Лумана «Общество общества» недавно переведен на русский язык, однако его работы, посвященные праву, к сожалению, до сих пор не опубликованы в России.

Одна из глобальных научных целей, к осуществлению которых в своем научном творчестве стремился Н. Луман, – это создание новой «метапарадигмы», обеспечивающей теоретико-методологическое переосмысление существующих представлений о праве и государстве¹. Новаторские идеи немецкого ученого, сформулированные им в рамках реализации поставленной сверхзадачи, оказали заметное влияние на современные общественные науки. Речь идет прежде всего о теоретико-методологической

¹ Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997. С. 3–4.

концепции аутопойесиса¹, на основе которой определяются способности различных социальных систем (включая государственные и правовые) устанавливать и изменять собственные внутренние элементы.

По представлению Н. Лумана, юридическая система является операционно закрытой, она обладает своим кодом, репродуцируется посредством собственных элементов². Нет такого закона, который мог бы быть навязан юридической системе извне, она сама поддерживает себя, используя действующие в ней законы для производства новых³. В то же время в информационном плане она открыта и должна иметь возможность получать и воспринимать сигналы от иных систем. Таким образом, юридическая система общества в определенной степени автономна от других социальных подсистем, окружающей ее социальной среды, она выполняет присущие только ей социальные функции, имеет особый социальный код, развивается по своим внутренним законам.

По мнению Н. Лумана, в эпоху Нового времени сформировался подход, нацеленный на объединение политической и юридической систем, что объяснялось им неразличимостью в тот период политического и юридического при определении государства. Право трактовалось тогда как сфера осуществления политических задач, юридические нормы стали «своеобразным хранилищем предшествовавшей политики»⁴. Эта мысль ученого представляется верной. Действительно, деятели Нового времени часто объединяли политику и право, однако истоки данной традиции можно обнаружить еще в эпоху античности, например в трудах Аристотеля. С точки зрения Н. Лумана, соединение политической и юридической систем в одно целое (политико-правовую систему общества) неконструктивно. Такая тесная связка двух социальных подсистем, их взаимопроникновение ведут к усилению авторитарных тенденций, злоупотреблению властью, нарушениям субъективных прав, бесконтрольности, коррупции и т. д. Позитивное право неизбежно оказывается политически ангажированным, выражающим волю властвующих субъектов; принимаемые государством законы, конституция становятся элементами политической системы. В общественном сознании в результате насильственного объединения двух подсистем формируется неверное представление о праве как средстве осуществления политических задач, «служанке» политики. В конечном счете искусственный «брак» юридической и политической подсистем сдерживает развитие каждой из них, поскольку для успешного функционирования они должны обладать необходимой степенью автономии, быть дифференцированными.

Для Н. Лумана история права – это прежде всего история его развития как автономной, дифференцированной системы, способной создавать, воспроизводить свои элементы, саму себя с их помощью. Если следовать его подходу к пониманию эволюции права, то можно прийти к выводу о том, что праву как самоорганизованной системе невозможно навязать траекторию развития; правовой прогресс обусловлен не внешними (экономическими, политическими, моральными, религиозными и другими факторами), а внутренними импульсами; модель будущего правового устройства

¹ Под аутопойесисом социологи понимают процесс воспроизводства или самопорождения системой своих компонентов с целью сохранения своей тождественности.

² Luhmann N. Law as a social system. Oxford, 2004. P. 76–141.

³ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск, 1997. С. 54–55.

⁴ Там же. С. 39.

общества, пути правового прогресса заключены в самой юридической системе. Она развивается по собственному сценарию, исходя из своих внутренних предпосылок, системных оснований, из своего правового базиса.

Юридическая и политическая подсистемы общества не могут, по Н. Луману, замещать друг друга, каждая из них реализует свое предназначение, решает свои социальные задачи. Любые попытки подыскать им альтернативу бесперспективны, в функционально дифференцированном обществе им нет реальной замены, правовые функции может осуществить лишь сама правовая система, их нельзя уступить другим социальным подсистемам. Юридическая система рассматривается ученым как своего рода иммунная система общества: она может обеспечить адаптацию сформировавшейся социальной структуры к меняющимся условиям социальной жизни, к новым процессам, содействовать эволюции общества¹. Способность права быть стимулом социального прогресса, внедрения нового в общественную жизнь выражена в одной из наиболее важных в лумановской классификации функций юридической системы – функции «нормативной стабилизации прогнозируемых отношений»². Кроме названной, ученый выделял функции регулирования общественных конфликтов, самовоспроизводства, коммуникативную, мотивационную, когнитивную и др.

Н. Луман неоднократно подчеркивал значение социальных конфликтов для эволюции юридической системы, видел в них главный фактор ее динамизма. По его мнению, возможность конфликта заложена в самой структуре правовых норм (в частности, в предусматриваемых нормами санкциях), она учитывается при генерализации ожиданий участников правовой коммуникации. Право не подавляет, не устраняет угрозу возникновения конфликтов, а напротив, увеличивает ее, но при этом обеспечивает социальным субъектам условия для продолжения ненасильственной коммуникации³. Среди всех существующих социально-правовых институтов, способных порождать человеческие конфликты, Н. Луман выделял институт частной собственности как основной их источник, мощнейший дестабилизатор общества и главную причину постоянного перенапряжения юридической системы.

С функцией разрешения социальных конфликтов тесно связана проблема негативных последствий принимаемых законодателем и судами правовых решений. С точки зрения Н. Лумана, в современной юридической системе отсутствует осознание риска, что он объяснял недооценкой фактора времени, а также неспособностью юристов прогнозировать результаты своих правовых актов, поскольку они обучены лишь воспроизводить информацию, необходимую для обоснования выносимых решений⁴. Он полагал, что для оценки правовых рисков не существует ни методов, ни способов, поэтому не стоит завышать требования к ожидаемым результатам принимаемых решений. Юридическая система притязает на рациональность и правильность своих нормативных и иных положений, ограничивая возможность определить, насколько велик риск наступления негативных последствий их исполнения. При этом рациональность права сводится к рациональности законодателя, не возлагающего на себя ответственность за результаты своей деятельности.

Обсуждаемая немецким ученым проблема риска в юридической системе весьма актуальна. В самом деле, современный законодатель больше озабочен сиюминутны-

¹ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. С. 51.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 74–77.

⁴ Там же. С. 71.

ми политическими интересами, чем отдаленными во времени последствиями своих решений; кроме того, из принципов формирования законодательных собраний по общему правилу не следует, что их члены способны предусмотреть социально-правовые результаты своего нормотворчества. Что касается судей, прокуроров, следователей, судебных приставов и т. д., то они обязаны применять принятые законодательством нормы, полагаясь на его «мудрость», на то, что он заранее оценил возможные правовые риски своих решений. Иными словами, в иерархической системе правовых актов действует презумпция разумности решений вышестоящих органов.

По мнению Н. Лумана, юридическая система постоянно находится в состоянии перенапряжения, поскольку вынуждена учитывать противоположные притязания участников процесса – конфликтующих сторон, но не может одновременно удовлетворить требования и той и другой; кто-то должен проиграть в судебном процессе¹. От суда участники процесса ожидают принятия не просто юридически обоснованных, аргументированных, но и соответствующих критериям справедливости решений. Причем в современном мире сфера ожиданий субъектов правовой коммуникации постоянно расширяется. Юридической системе приходится совершенствоваться с целью дальнейшего осуществления своих функции (разрешения общественных конфликтов, а также нормативной стабилизации). При этом она, очевидно, никогда не достигнет идеалов справедливости, для нее неполная справедливость и неполное исполнение ее норм вполне естественны.

В правовой концепции Н. Лумана особая роль отводится юстиции, она, как полагал ученый, формирует основу правовой коммуникации, является центром юридической системы². Суды составляют ее особую подсистему, которая отграничивает себя от других элементов юридической системы. Закон, с точки зрения Н. Лумана, относится скорее к политической, чем к юридической системе, поскольку он служит средством осуществления политической власти; конституцию как основной закон государства также следует включить в политическую систему общества. Как можно заметить, в этом важном пункте представления Н. Лумана о праве существенно расходятся со взглядами позитивистов, отождествляющих право и закон. Н. Луман, по нашему мнению, прав в том, что закон не принадлежит юристам (возможно, никогда им и не принадлежал), он является частью политической системы, неотъемлемым элементом механизма властвования. Единственное, что пока находится в руках юридического сообщества, – юстиция, но и этот последний оплот может не устоять под давлением политической власти. В связи с этим весьма примечательно, что в конституционных актах многих стран, включая Россию, суд провозглашается в качестве одной из ветвей государственной власти (наряду с законодательной и исполнительной), т. е. не признается его независимость от государства.

Право в соответствии с представлениями Н. Лумана нельзя рассматривать ни как совокупность (систему) норм, ни как систему знаний, оно есть социальная подсистема со свойственным ей кодом («законное / незаконное»)³. Ученый избегал давать предметно-субстанциональное определение права, вместо этого описывая его в качестве автономной, операционно закрытой социальной подсистемы. При этом Н. Луман (повторим) различал правовую и юридическую системы (для него понятие «правовое» более широкое по объему, чем понятие «юридическое», первое описыва-

¹ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. С. 62–63.

² Luhmann N. Op. cit. P. 22, 211 и след.

³ Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект. С. 34.

ет «подвижную позитивность», второе – правоприменительную деятельность). Юридическую систему немецкий ученый расценивал как «способ, которым право создает себя, исходя из самого себя»¹.

В правовой концепции Н. Лумана норма права трактуется как структура, заключающая в себе актуальные правовые ожидания участников коммуникации² (тогда как право призвано выполнять функцию стабилизации поведенческих ожиданий). Процесс правового нормирования – это всегда внутренний процесс, осуществляемый строго в рамках юридической системы. Бесконечное множество правовых ожиданий, угрожающих целостности системы, редуцируется ею по ее внутренним правилам, законам. При этом юридическая система способна воспринимать, воплощать в себе не только обычные, типовые ожидания, но и нестандартные, «эксклюзивные». Она имеет возможность адекватно реагировать на социальные новации, непредсказуемые социально-правовые притязания, обнаруживающиеся в ходе судебных и иных разбирательств, учитывать, нормировать их. Норма права – это своего рода ответ юридической системы на вызов социальной среды, реакция на «внешние раздражители», в ней на основе юридического опыта проецируется правовое будущее. Правовая норма, как и право в целом, может быть представлена в трех измерениях: предметном, социальном и временном. Во временном измерении для Н. Лумана важен концепт «оперативной непрерывности», в соответствии с его гипотезой право решает проблему времени: когда текущая коммуникация сама по себе недостаточна, «она направляется ожиданиями во временном измерении смысла и выражает эти ожидания»³.

Н. Луман особое внимание уделял процессу позитивации права, т. е. обретению им действенности посредством обязательных решений, вырабатываемых с помощью регламентированных приемов (однако это не значит, что правовому ожиданию предшествует принятый юридический акт, наоборот, на основе принятого акта осуществляется правовой выбор)⁴. Позитивация права создает необходимые условия для целостности юридической системы, обеспечивает ее автономию, операционную независимость от других социальных подсистем. В рамках позитивации также решается проблема обновления права, оно становится комплексным, более изменчивым. С одной стороны, Н. Луман как социолог допускал возможность существования «неофициального», негосударственного права, с другой – как автор концепции аутопойесиса склонялся к выводу о том, что дифференцированная юридическая система является системой позитивного права. Позитивность для него – не исходное состояние юридической системы, а следствие ее поступательного развития, результат эволюции права⁵.

По мнению Н. Лумана, существует определенный разрыв между законодательством и выносимыми судами решениями, более того, законодательство и механизм вынесения судебных решений движутся в разных направлениях; в этом он видел

¹ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. С. 78.

Н. Луман все же давал предметное определение права: «Право как конгруэнтное (соответствующее, равное. – С. А.) обобщение ожиданий» (Алексеев А. В. Правовая концепция Никласа Лумана (в контексте современной немецкой теории и социологии права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 15).

² Luhmann N. Op. cit. P. 146.

³ Ibid. P. 142 (цит. по: Шаронова А. А. Коммуникативная модель правовой системы Никласа Лумана: критический анализ // Ист. и социально-образовательная мысль. 2013. № 4. С. 236).

⁴ Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект. С. 10, 34.

⁵ Алексеев А. В. Указ. соч. С. 11.

«кризис нормативно-стабилизированного права в высококомплексном обществе»¹. Интеграционными средствами, содействующими сближению позиций законодателя и судей и, как следствие, разрешению кризиса, он называл юридическую догматику и юридическую технику. Данный вывод ученого справедлив, но при условии, что законодатель и судьи находятся на «правовой почве», руководствуются догмой права и соблюдают правила юридической техники. Но если вспомнить, что, по утверждению Н. Лумана, закон – элемент политической системы и используется ею для осуществления власти, то правила юридической системы, ее техника и догматика едва ли будут иметь для законодателя решающее значение.

Разрыв между законодательством и судебной системой, на наш взгляд, невозможно преодолеть с помощью технических средств, поскольку речь идет о разделении двух самостоятельных социальных подсистем (политической и юридической). Необходимо, чтобы закон стал средством не политической, а правовой коммуникации, элементом юридической системы общества, чтобы законодательная деятельность подчинялась ее правилам, стала правовой профессией.

Интерес также вызывает точка зрения Н. Лумана о соотношении права и идеологии. Согласно его исходной позиции в современном обществе не должно происходить их слияния. По его мнению, трудности, с которыми сталкиваются исследователи, свидетельствуют об абсолютном различии права и идеологии, общее между ними следует искать на более абстрактном уровне, оно заключено не в содержании, а в форме². Длительная дискуссия о связи права с идеологией не дала ощутимых результатов, напротив, исследования, проводимые в этом направлении, сами приобретают все более идеологический характер. Позитивное право, как и другие генерализованные средства коммуникации, по убеждению немецкого ученого, способно отчасти заменить идеологию, заключающую в себе субъективные оценки, дать людям иные (более надежные) ориентиры³.

Действительно, если рассматривать право как автономную, самовоспроизводимую систему, имеющую собственные основания, то идеология (а равно религия, мораль, иные ценностные системы) не должна оказывать непосредственное влияние на него, определять его содержание и устройство. Операционная закрытость юридической системы призвана гарантировать ей независимость от самых разных идеологий, а также от других навязываемых ей ценностных ориентаций. Однако в современной ситуации, когда право находится в насильственном, навязанном ему союзе с политикой, оно постоянно испытывает на себе мощное воздействие внешних ценностно ориентирующих систем, обеспечивающих функционирование политической власти.

Достоинства и недостатки теории права Никласа Лумана. Значение научного наследия Н. Лумана трудно переоценить, в социологии, политологии, правовой теории его идеи оставили весьма заметный след. К наиболее важным теоретическим сверхидеям ученого можно отнести концепцию аутопойесиса, позволяющую правоведам по-новому взглянуть на устройство и функционирование юридической системы общества, критически оценить последствия укоренившегося в науке подхода, нацеленного на объединение двух социальных подсистем, по сути же – на подчинение правовой системы политической. Возможно, главная задача Н. Лумана – создание новой «метапарадигмы», обеспечивающей теоретико-методологическое переосмыс-

¹ Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект. С. 32.

² Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. С. 114.

³ Там же. С. 118–119.

ление представлений о праве и государстве, – в полной мере не была им осуществлена, однако он успел многое для этого сделать. На основе его системных представлений о праве формирование такой «метaparадигмы» становится возможным, в его трудах заложен методологический фундамент для создания целостной теории права, стержнем которой является идея автономии права как самоорганизованной социально-коммуникативной системы с присущими ей внутренними механизмами, источниками самосовершенствования, эволюции, с собственным кодом, программами, способностью создавать, воспроизводить свои элементы, саму себя с их помощью.

К числу спорных положений теории Н. Лумана, на наш взгляд, можно отнести идею «изгнания» субъекта права из правовой системы, а в более широком плане – социальных субъектов из общества. Немецкий ученый в качестве несомненных достоинств вводимых им понятий называл «освобождение» их от субъекта (как «гуманистического предубеждения»), от человеческого сознания. По его мнению, существует реальный мир систем, который описывается посредством других систем¹ и в котором нет места субъектам, их особым интересам, личным целям. Функционирование правовой и политической сфер имеет надличностный, а по сути, безличностный характер, сами системы вырабатывают «смыслы» своего существования, живут своей особой жизнью, как тот рояль, который играет сам по себе.

Н. Луман в этом пункте своей теории доводил принцип самоорганизации, самовоспроизводства социальных систем до логической крайности, до абсурда. Вместо того чтобы критически переосмыслить представления о социальном субъекте, в том числе о субъекте права, «переформатировать» их на основе общей теории систем, он вовсе отказался от него в пользу социальной системы как «настоящего» субъекта. Ученый отождествлял общество с совокупностью коммуникативных актов, искусственно «отрывая» коммуникацию от тех, кто ее создает, кто в ней участвует. Идею «изгнания» субъекта из права, из общества можно рассматривать как одно из проявлений радикального функционализма Н. Лумана.

С точки зрения общей теории систем и социологии лумановский подход к пониманию права, с одной стороны, открывает для юристов новые перспективы переосмысления доктринальных представлений о праве, с другой – обладая высоким уровнем абстракции, не позволяет им «опредметить» новаторские идеи ученого, трансформировать их в теоретико-правовые конструкции. Мир открытых и закрытых систем с их кодами, программами, внешними импульсами, механизмами воспроизводства, аутопойесисом и мир правоотношений, субъективных прав и юридических обязанностей, субъектов и объектов права, правовых действий и юридической ответственности в концепции Н. Лумана не соединяются, существуют в определенной степени автономно, подобно тем социальным подсистемам, которые он описывал в своих трудах. Для юристов взгляд Никласа Лумана на право оказывается внешним, неправовым, взглядом социолога, который оценивает правовую сферу как сторонний наблюдатель.

Библиография

Luhmann N. Law as a social system. Oxford, 2004.

Алексеев А. В. Правовая концепция Никласа Лумана (в контексте современной немецкой теории и социологии права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹ Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект. С. 19.

Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск, 1997.

Посконина О. В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997.

Шаронова А. А. Коммуникативная модель правовой системы Никласа Лумана: критический анализ // Ист. и социально-образовательная мысль. 2013. № 4.

Bibliography

Luhmann N. Law as a social system. Oxford, 2004.

Alekseenko A. V. Pravovaya koncepciya Niklasa Lumana (v kontekste sovremennoj nemeckoj teorii i sociologii prava): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012.

Poskonina O. V. Niklas Luman o politicheskoy i yuridicheskoy podsystemax obshhestva: monogr. Izhevsk, 1997.

Poskonina O. V. Politiko-pravovaya teoriya Niklasa Lumana: metodologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 1997.

Sharonova A. A. Kommunikativnaya model' pravovoj sistemy Niklasa Lumana: kriticheskij analiz // Ist. i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2013. № 4.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ АРБИТРАЖ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рогозина Анастасия Алексеевна

Аспирант кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: nanigrade@gmail.com

В статье представлена краткая история регулирования иностранных инвестиций на постсоветском пространстве. Автор приходит к выводу, что у более детальных норм двусторонних договоров стран ЕАЭС есть приоритет перед нормами Договора о ЕАЭС. Отмечается наличие проблемы выбора «наиболее удобного» форума рассмотрения инвестиционных споров из множества имеющихся.

Ключевые слова: инвестиционный арбитраж, Договор о Евразийском экономическом союзе, интеграция, иностранные инвестиции

INVESTMENT ARBITRATION IN POST-SOVIET COUNTRIES: THE EXPERIENCE IN CONTRACTUAL REGULATION

Rogozina Anastasiya

Urals State Law University (Yekaterinburg), e-mail: nanigrade@gmail.com

The article concerns the brief history of foreign investment regulation by post-Soviet countries. The author comes to a conclusion that detailed provisions of bilateral treaties are given priority over norms of the Treaty on the Eurasian Economic Union. The problem of multiple investment forums and forum-shopping is mentioned.

Key words: investment arbitration, Treaty on the Eurasian Economic Union, integration, foreign investment

Развитие и углубление интеграционных экономических связей на постсоветском пространстве продолжают, несмотря на экономические санкции, применяемые к российским предпринимателям западными странами. 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС)¹. Государства-участники урегулировали вопросы, касающиеся иностранных инвестиций, в тексте Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору) (далее – Протокол).

До подписания Договора о ЕАЭС на постсоветском пространстве осуществлялись попытки создать многостороннее регулирование иностранных инвестиций². Среди действующих многосторонних договоров следует отметить Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 г. (далее –

¹ 1 января – для России, Казахстана, Белоруссии, 15 января – для Армении, 14 мая – для Киргизии (URL: <http://www.eurasiancommission.org>).

² Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах-членах ЕврАзЭС, подписанное 12 декабря 2008 г., не вступило в силу. Со вступлением в силу Договора о ЕАЭС прекратило действие Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах-участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г.

Ашхабадское соглашение)¹, а также Конвенцию СНГ о защите прав инвестора 1997 г. (далее – Конвенция 1997 г.)². Раскрывая значение основных терминов данных соглашений – «инвестор» и «инвестиции», государства отдают предпочтение «широким» определениям; для характеристики инвестиций используются открытые перечни активов, которые не всегда дают возможность понять, входило ли в намерения сторон изменить или скорректировать положения более ранних договоров³.

Не все государства СНГ участвуют в многосторонних договорах в области защиты инвестиций⁴. Однако Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия являются сторонами⁵ всех трех указанных многосторонних соглашений. Также в отношениях между Белоруссией и Арменией⁶, Арменией и Киргизией⁷, Киргизией и Белоруссией⁸ действуют двусторонние инвестиционные договоры, а между Арменией и Казахстаном⁹, Казахстаном и Киргизией¹⁰ аналогичные договоры подписаны, но не вступили в силу.

В Конвенции 1997 г. указано, что ее положения «не затрагивают положений других международных договоров, участниками которых являются Стороны» (ст. 21). Кроме того, она «может являться основой для заключения Сторонами двусторонних соглашений, защищающих права инвестора. При необходимости отдельные положения Конвенции могут конкретизироваться в двусторонних соглашениях» (ст. 22).

Нормы Договора об ЕАЭС обладают обратной силой, так как установленные ими гарантии применяются ко всем инвестициям, осуществленным инвесторами государств-членов, начиная с 16 декабря 1991 г.¹¹ При этом «двусторонние международные договоры между государствами-членами, предусматривающие более глубокий по сравнению с положениями настоящего Договора или международных договоров в рамках Союза уровень интеграции или предоставляющие дополнительные преимущества в пользу их физических и (или) юридических лиц, применяются в отношениях между заключившими их государствами и могут заключаться при условии, что не затрагивают осуществление ими и другими государствами-членами своих прав и выполнение обязательств по настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза» (п. 2 ст. 114 Договора о ЕАЭС).

Таким образом, как Конвенция 1997 г., так и Договор об ЕАЭС не претендует на «исчерпывающее регулирование» инвестиций; более благоприятные положения двусторонних договоров имеют приоритет перед нормами Договора об ЕАЭС.

Ашхабадское соглашение как самое раннее из перечисленных не называет форумы, которые занимались бы рассмотрением споров между инвестором и государ-

¹ Бюл. междунар. договоров. 1995. № 4. Соглашение вступило в силу для следующих государств (по состоянию на 17 октября 2014 г.): Белоруссия, Казахстан и Таджикистан (с 21 ноября 1994 г.); Узбекистан (с 24 декабря 1993 г.); Киргизия (с 19 января 1996 г.); Молдавия (с 3 сентября 2002 г.). Временно применяется для Азербайджана, Армении, Туркмении и Украины (с 24 декабря 1993 г.).

² Вестн. ВАС РФ. 1997. № 8. Участвуют Белоруссия, Таджикистан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия.

³ Пункт 4 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров.

⁴ Например, Россия вышла из состава участников Ашхабадского соглашения и не присоединилась к Конвенции 1997 г.

⁵ В отношении Армении Ашхабадское соглашение применяется временно.

⁶ Дата вступления в силу – 2 октября 2002 г.

⁷ Дата вступления в силу – 27 октября 1995 г.

⁸ Дата вступления в силу – 11 ноября 2001 г.

⁹ Дата подписания – 6 ноября 2006 г.

¹⁰ Дата подписания – 8 апреля 1999 г.

¹¹ Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014 // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/eaes_voprosy_otvety.pdf.

ством. Констатируя, что такие споры «подлежат рассмотрению в установленном порядке в судах по месту инвестирования либо по договоренности участников спора в третейском суде» (ст. 17), Конвенция всего лишь подтверждает право инвестора обратиться в национальные суды. В случае возникновения конфликта между государством-реципиентом и иностранным инвестором велика вероятность, что между ними не будет достигнута договоренность о передаче дела в иной форум.

Согласно ст. 11 Конвенции 1997 г. споры по осуществлению инвестиций в ее рамках рассматриваются судами или арбитражными судами стран-участников споров, Экономическим судом СНГ и (или) иными международными судами или международными арбитражными судами.

При обращении компании «Stans Energy Corp.» (Канада) и общества «Kutisay Mining» (Киргизия) в Арбитраж при Московской ТПП с иском против Киргизии на основании ст. 11 Конвенции 1997 г. закономерно возник вопрос о необходимости ее толкования. В литературе предложены следующие варианты толкования данной статьи: 1) инвестор имеет право обратиться в любой из перечисленных органов, и «выбор арбитражного суда для обращения с целью разрешения инвестиционного спора практически не ограничен»¹; 2) «ст. 11 Конвенции содержит лишь перечень абстрактно-потенциальных возможностей для инвестора, но никак не список его реальных правомочий определять компетентный правоприменительный орган»². Первый вариант, использованный и в судебном решении по делу *Stans Energy Corp. v. Kyrgyz Republic*³, подвергся жесткой критике некоторых ученых⁴.

В соответствии с п. 85 Протокола к Договору об ЕАЭС по истечении шестимесячного срока спор между инвестором и государством может стать предметом рассмотрения компетентного суда государства-реципиента; международного коммерческого арбитража при торговой палате любого государства, согласованного участниками спора; арбитражного суда *ad hoc*, который, если стороны не согласятся на иное, должен быть создан и действовать согласно Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ; МЦУИС для разрешения спора в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г. или в соответствии с его Дополнительными правилами. Также в Протоколе установлено требование об обращении только в один из названных судов (п. 86).

В перечень возможных форумов, в которые может обратиться иностранный инвестор, не вошел Суд ЕАЭС. В нем могут быть оспорены только нарушения прав инвесторов, вызванные решениями Евразийской экономической комиссии.

Резюмируем сказанное. Несмотря на наличие многосторонних договоров, регулирование иностранных инвестиций на постсоветском пространстве по существу сохранило двусторонний характер. Именно в двусторонних договорах содержатся бо-

¹ Автономов А. С., Зенкин И. В. Круг международных третейских судов, разбирающих споры инвесторов с государствами, арбитрабельность таких споров и территориальные пределы юрисдикции в отношении указанных споров по Договору к Энергетической Хартии // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 107–120.

² Муранов А. И. Открытая оферта в Конвенции о защите прав инвестора 1997 г. в цивилистическом свете. Деконструкция компетентностного подхода Арбитража при Московской ТПП в инвестиционных спорах против Киргизии // Актуальные проблемы частного права: сб. статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова. Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / отв. ред. Б. М. Гонгалов, В. С. Ем. М., 2014.

³ URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org/ISDS/Details/506>.

⁴ Муранов А. И. Указ. соч.

лее детальные положения, которые продолжают действовать наряду с нормами многосторонних соглашений. В Договоре о ЕАЭС компетенция по рассмотрению инвестиционных споров не была в полной мере передана Суду ЕАЭС, что, к сожалению, не решило проблем выбора «удобного» суда и вынесения противоречивых решений автономными международными арбитражами.

Библиография

Stans Energy v. Kyrgyzstan (I) // URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org/ISDS/Details/506>.

Автономов А. С., Зенкин И. В. Круг международных третейских судов, разбирающих споры инвесторов с государствами, арбитрабельность таких споров и территориальные пределы юрисдикции в отношении указанных споров по Договору к Энергетической Хартии // Международное правосудие. 2013. № 4.

Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014 // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/eaes_voprosy_otvety.pdf.

Конвенция СНГ о защите прав инвестора (Москва, 1997 г.) // Вестн. ВАС РФ. 1997. № 8.

Муранов А. И. Открытая оферта в Конвенции о защите прав инвестора 1997 г. в цивилистическом свете. Деконструкция компетентностного подхода Арбитража при Московской ТПП в инвестиционных спорах против Киргизии // Актуальные проблемы частного права: сб. статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / отв. ред. Б. М. Гонгало, В. С. Ем. М., 2014.

Сайт Евразийской экономической комиссии: URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 г. // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 4.

Bibliography

Avtonomov A. S., Zenkin I. V. Krug mezhdunarodnykh tretejskix sudov, razbirayushhix spory investorov s gosudarstvami, arbitrabel'nost' takix sporov i territorial'nye predely yurisdikcii v otnoshenii ukazannykh sporov po Dogovoru k Ehnergeticheskoy Hartii // *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2013. № 4.

EvrAzijskij ehkonomicheskij soyuz. Voprosy i otvety. Cifry i fakty. M., 2014 // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/eaes_voprosy_otvety.pdf.

Konvenciya SNG o zashhite prav investora (Moskva, 1997 g.) // *Vestn. VAS RF*. 1997. № 8.

Muranov A. I. Otkrytaya oferta v Konvencii o zashhite prav investora 1997 g. v civilisticheskom svete. Dekonstrukciya kompetentnostnogo podxoda Arbitrazha pri Moskovskoj TPP v investicionnykh sporax protiv Kirgizii // *Aktual'nye problemy chastnogo prava: sb. statej k yubileyu Pavla Vladimirovicha Krashennnikova*. Moskva – Ekaterinburg, 21 iyunya 2014 g. / отв. ред. Б. М. Гонгало, В. С. Ем. М., 2014.

Сайт Евразийской экономической комиссии: URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

Soglashenie stran SNG o sotrudnichestve v oblasti investicionnoj deyatel'nosti ot 24 dekabrya 1993 g. // *Byul. mezhdunar. dogovorov*. 1995. № 4.

Stans Energy v. Kyrgyzstan (I) // URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org/ISDS/Details/506>.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБЩНОСТИ ПРАВ

Гришечкин Владимир Владимирович

Аспирант кафедры гражданского права

Уральского государственного юридического университета,

адвокат Коллегии адвокатов Свердловской области «Белых и партнеры» (Екатеринбург),

e-mail: vvg-ip@mail.ru

В настоящее время в Гражданском кодексе Российской Федерации нет общих правил, касающихся множественности лиц. В связи с этим автор обращается к анализу положений иностранных законодательных актов, содержащих нормы об общности прав, таких как Германское гражданское уложение, гражданские кодексы Нидерландов, Молдовы и Туркменистана. Автор приходит к выводу о том, что ни один из рассмотренных им кодексов не содержит правил, всеобъемлюще упорядочивающих отношения общности прав. Тем не менее он считает возможным использовать иностранный опыт регулирования данных отношений для создания соответствующей юридической конструкции в правовом поле Российской Федерации, поскольку зарубежное гражданское законодательство находится на более высоком уровне развития, чем отечественное.

Ключевые слова: множественность лиц в гражданских правоотношениях; общность прав; зарубежный опыт правового регулирования

THE FOREIGN EXPERIENCE IN LEGAL REGULATION OF COMMUNITY OF RIGHTS

Grishechkin Vladimir

Urals State Law University, Bar association «Belykh and Partners» (Yekaterinburg),

e-mail: vvg-ip@mail.ru

In the current RF Civil Code, there are no any common rules concerning plurality of persons. That is why the author refers to the provisions on community of rights fixed in the foreign legislation, such as the German Civil Code, civil codes of the Netherlands, Moldova and Turkmenistan. The author concludes that none of the considered codes contains rules that comprehensively govern relations of community of rights. But since the foreign civil legislation tends to be higher than domestic one, it is possible to use foreign experience to establish an appropriate legal structure in Russian civil law.

Key words: plurality of persons in civil law relations, community of rights, foreign experience in legal regulation

В настоящее время явление общности прав не привлекает должного внимания отечественных цивилистов. Это во многом объясняется тем, что российское законодательство просто не содержит соответствующих общих положений. Данная проблема поднималась и при подготовке Концепции совершенствования гражданского законодательства. Так, Р. С. Бевзенко писал: «Юридической практике известны понятия общей собственности, множественности в обязательстве, множественности в исключительных правах, множественности в корпоративных правах. Так вот, возможность создания неких общих правовых норм, регулирующих все озвученные ситуации, об-

суждалась разработчиками. Но, скорее всего, в концепции это не отразится»¹. В итоге прогноз ученого сбылся.

Сегодня существуют как минимум четыре государства, гражданские кодексы которых включают в себя нормы об общности прав: Германия, Нидерланды, Туркменистан и Молдова. Обращение к иностранному опыту поможет, на наш взгляд, выяснить, какие отношения следовало бы относить к сфере регулирования «общих положений об общности», а также решить, стоит ли переносить подобные правила в российскую правовую систему. Тем более опыт ФРГ и Нидерландов уже использовался российским законодателем при подготовке Гражданского кодекса², а Туркменистан и Молдова, как и Россия, ранее относились к странам социалистического права.

В Гражданском уложении Германии (далее – ГГУ, Уложение) нормы об общности прав содержатся в разд. 17 ч. 8 кн. 2 (§ 741–758)³. Укажем, что ч. 8 посвящена отдельным видам обязательств, а разд. 17 расположен после главы, регулирующей деятельность простого товарищества. По этому поводу У. Б. Филатова отметила: «Германское гражданское уложение, отнеся общность в обязательственное право, ясно продемонстрировало решение о квалификации общности как обязательства... Основные теории XIX столетия о долевой общности, которые оказали влияние на ГГУ, были разработаны Е. Эк и П. Штайнлехнером. Эти авторы обосновали различие между правом доли как вещным правом и правом общности как обязательственным. Современные ученые воспринимают этот факт уже как данность»⁴.

Наряду с общими положениями ГГУ предусматривает и специальные правила, посвященные множественности кредиторов и должников (§ 420–432), общей долевой собственности (§ 1008–1011), общему совместному имуществу, создаваемому в простом товариществе (§ 718), режиму общности имущества супругов (§ 1415–1518), а также множественности наследников (§ 2032–2063)⁵. Таким образом, немецкое законодательство отличается комплексной и разветвленной системой положений, охватывающих различные случаи усложнения субъектного состава правоотношения. В связи с этим возникает вопрос: каково значение общих правил, предусмотренных разд. 17 Уложения?

Согласно § 741 ГГУ «если право принадлежит нескольким лицам совместно, то применяются § 742–758 (долевая общность), *поскольку из закона не следует иное*» (курсив наш. – В. Г.). Необходимо подчеркнуть, что к отдельным случаям долевой общности указанные правила применяются субсидиарно. Такой вывод прямо вытекает из буквального смысла норм § 741 ГГУ. По мнению немецких юристов, поскольку общая собственность «представляет собой подвид долевой собственности, постольку на нее распространяются положения § 741–758, если иное не предусмотрено § 1008–1011»⁶. По словам А. В. Егорова, «ГГУ в разделе о вещном праве содержит довольно скудное регулирование вопросов общей долевой собственности (§ 1008–1011). Причи-

¹ Бевзенко Р. С. Гражданский переворот // ЭЖ-Юрист. 2009. № 10.

² Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. М., 2012. Кн. 1; Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.

³ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; сост. В. Бергманн. М., 2015.

⁴ Филатова У. Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом. М., 2013. С. 192.

⁵ В последних трех случаях образуется общее совместное имущество, которое имеет достаточно серьезные отличия от общей долевой собственности (подробнее см.: Егоров А. В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав сосособственников // Вестн. гражданского права. 2012. № 4).

⁶ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. С. 425.

на в том, что законодатель использовал особый прием юридической техники, решив большинство вопросов, касающихся общей собственности, в разделе об обязательственном праве»¹.

В результате параграфы разд. 17 оказались ориентированы на регулирование отношений общей собственности² или схожих с ней случаев принадлежности какого-нибудь блага нескольким лицам. Причем исторически указанные положения создавались именно с целью регулирования отношений сособственности. Так, по словам М. В. Зимелевой, «после рецепции римского права пандектная теория, приспособляя к условиям жизни капиталистического общества римскую конструкцию общей собственности, вынуждена была дополнить ее в вопросах об управлении общей вещью. Отсюда в немецкой юридической литературе возникло учение о специальном виде обязательств – об обязательствах, возникающих из общности прав. Поскольку расходы по управлению общим поместьем или какими-либо производственными единицами, составляющими общую собственность, могли быть весьма обременительными и поскольку долевая, общая собственность не давала никакой сдержки частнособственническим инстинктам и аппетитам каждого из участников, необходимо было уточнить эти вопросы. В Германском гражданском уложении в обязательственном праве был создан специальный раздел „Общность прав“, охватывающий все случаи, когда какое-нибудь право принадлежит нескольким лицам по долям. В нем в восемнадцати статьях (§ 741–758) урегулированы вопросы, касающиеся прав и взаимных обязанностей участников общности, включая права, имеющие несомненно вещный характер»³.

Остановимся на вопросе о возможности применения разд. 17 ГГУ к обязательствам с множественностью лиц.

В данном разделе, в отличие от разд. 5 ч. 3 кн. 3 ГГУ, включающего нормы об общей собственности, законодатель использует термин «предмет», а не «вещь». При этом различие между ними прямо вытекает из текста Уложения. В силу § 90 ГГУ «вещами в смысле закона являются лишь телесные предметы». Исходя из этого, можно заключить, что понятие «предмет» более широкое по содержанию, а значит, может включать в себя и права. По этому поводу Ю. Е. Туктаров отмечал: «В германском праве проблема общих норм, касающихся регулирования оборота всех объектов, включая права, решена путем использования специального термина „предмет“»⁴.

Таким образом, не исключено, что положения разд. 17 ГГУ об общности прав распространяют свое действие и на общие требования. Но, на наш взгляд, эти правила совершенно не рассчитаны на регулирование обязательственных правоотношений со множественностью лиц. В первую очередь это следует из того набора правомочий, который предоставлен участникам общности. Как было указано, их содержание позволяет, скорее, квалифицировать требование в качестве нетелесного блага как объекта особого абсолютного правоотношения⁵. Например, § 745 закрепляет правомочия по управлению и пользованию общим предметом, а § 747 говорит о правилах рас-

¹ Егоров А. В. Указ. соч.

² При этом глава, посвященная общей собственности, практически не регулирует отношения между сособственниками. Об этом свидетельствует ее объем: 4 статьи против 18 статей разд. 17 ГГУ.

³ Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть вторая // Вестн. гражданского права. 2010. № 1.

⁴ Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.

⁵ Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота М., 2005. С. 43.

поряжения им. В связи с этим стоит согласиться с Д. В. Федотовым, утверждающим, что в некоторых случаях разработчики ГГУ «использовали в отношении оборотоспособных отчуждаемых прав конструкцию фикции вещи»¹. Однако неясно, как быть с § 754, в котором сказано, что «продажа общего требования допускается только тогда, когда оно не может быть предъявлено к взысканию. Если взыскание возможно, каждый участник может потребовать совместного осуществления взыскания».

На наш взгляд, для правильного понимания смысла закона необходимо различать ситуации, когда участники общности осуществляют право притязания в качестве сокредиторов и когда распоряжаются им сообща в качестве его обладателей. Здесь уместно привести следующие слова М. Е. Сторме: «Базовые концепции вещного права применяются по аналогии к бестелесным вещам. Они также рассматриваются в качестве „товара“ (активы), который может быть передан, обременен и т. д. Хотя на „пассивной“ стороне (долга), они чисто „относительные“ права и не вещные права (исполнение может только потребовать от должника, но не от любого и каждого), однако на „активной“ стороне они имеют вещный аспект (т. е. передаваемость, публичность и прочее)»². Не влияет на справедливость этой позиции и наличие в разд. 17 ГГУ специальных норм, регламентирующих особенности исполнения обязанностей участниками общности. Ведь правила об уплате общего долга (§ 755) и об уплате долга одного из участников общности (§ 756), детализируя нормы об обременениях и расходах, связанных с общим предметом (§ 748), закрепляют лишь дополнительные имущественные гарантии для бывших участников общности. Поэтому мы полагаем, что положения разд. 17 ГГУ об общности прав не регулируют отношения, связанные с получением исполнения по требованию, принадлежащему нескольким лицам.

Итак, включение положений о долевой общности в Уложение имеет объективные исторические предпосылки. Оно было предопределено стремлением привести римские правила о сособственности в соответствие с реалиями немецкой жизни. В результате появилась оригинальная юридическая конструкция, в рамках которой нашлись отражение сразу две группы прав: вещные и обязательственные (несмотря на то что в Уложении граница между ними «проведена достаточно резко»³). В то же время сложно говорить о том, что правила разд. 17 ГГУ выступают в качестве общих и применяются к любым случаям усложнения субъектного состава в гражданском праве. Во-первых, ГГУ предусматривает большое количество исключений, а во-вторых, данный раздел неприменим к обязательствам со множественностью лиц с точки зрения правил об их исполнении.

В Гражданском кодексе Нидерландов, который «представляет собой совершенно самостоятельную кодификацию, возведенную на фундаменте римского, голландского, французского и германского права»⁴, правила об общности (общем совместном имуществе) закреплены в разд. 7 кн. 3 (ст. 3:166–3:200)⁵.

¹ Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт // Рос. юрид. журн. 2011. № 4; также см.: *Его же*. Бестелесное имущество в гражданском праве. М., 2014. С. 126.

² Storme M. E. Property Law in a Comparative Perspective. L., 2004. P. 42 (цит. по: Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование).

³ Гражданское право Германии: хрестоматия избранных произведений Франца Бернхейфа и Йозефа Колера / сост. Р. С. Куракин, Е. В. Семенова. М., 2014. С. 98.

⁴ Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.

⁵ Здесь и далее статьи приводятся по: Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 6 и 7 / отв. ред. Ф. Й. М. Фельдбрюгге. Лейден, 2000.

Архитектоника Кодекса заметно отличается от архитектуры ГГУ. Во-первых, положения разд. 7 ГК Нидерландов напрямую не отнесены к обязательственному праву (кн. 6, 7), а включены в общую часть имущественного права (кн. 3)¹. Во-вторых, по объему и степени детализации общие нормы в ГК Нидерландов значительно превосходят аналогичные правила, содержащиеся в ГГУ².

Выделим также общие черты данных нормативных актов. Как и ГГУ, ГК Нидерландов включает в себя специальные положения, касающиеся отдельных случаев множественности лиц. Во-первых, это нормы разд. 5 кн. 5, который посвящен общей собственности. Сразу поясним, что его положения имеют крайне ограниченную сферу применения, поскольку распространяют свое действие только на определенные виды недвижимых вещей. Во-вторых, это нормы о множественности лиц в обязательствах, сгруппированные в гл. 2, 3 разд. 1 кн. 6. Также в п. 1 ст. 3:189 прямо указано, что действие положений разд. 7 ГК Нидерландов об общности прав не охватывает «супружеское совместное имущество, общество, товарищество или судоходную фирму, пока они не расторгнуты» и «общее совместное имущество здания, которое было правом разделения на квартиры, пока не отменено право разделения на квартиры».

Таким образом, рассмотренные нами правила, сохраняя статус общих положений, регулируют далеко не любые случаи совместного обладания правами. И в отличие от ГГУ, ГК Нидерландов не только пошел по пути закрепления субсидиарного характера применения соответствующих общих положений, в частности положений об общей собственности, но и прямо исключил из области своего действия отдельные группы отношений. Тем самым нидерландский законодатель предложил свое оригинальное решение проблемы регулирования общности прав.

Прежде чем перейти к анализу соответствующих статей ГК Нидерландов, следует определить значение кн. 3 в системе его нормативных положений. При сопоставлении определений понятий «имущество» и «вещь», закрепленных в ст. 3:1³ и 3:2⁴ соответственно, становится ясно, что кн. 3 ГК Нидерландов не только охватывает отношения по поводу принадлежности вещей, но и регламентирует имущественные права. Получается, что нидерландский законодатель, определив ключевые точки соприкосновения между вещами «телесными» и «бестелесными», создал для них обобщающий режим правового регулирования⁵.

В связи со сказанным возникает вопрос: в каком статусе в данном случае выступают управомоченные участники обязательственных отношений – кредиторы или все же обладатели непоименованного абсолютного права? Мы поддерживаем вторую точку зрения. Неспроста в научной литературе отмечается, что «в ГК Нидерландов для описания некоего права на имущество разработана юридическая конструкция, не только содержательно, но и терминологически идентичная праву собственности

¹ Наличие указанной общей части в ГК Нидерландов уже достаточно необычно. Причем кн. 3 содержит и иные общие положения, в том числе относящиеся к сделкам, приобретению и потере имущества, узурпакту.

² 34 статьи ГК Нидерландов против 18 статей ГГУ.

³ «Имущество – это все вещи и имущественные права».

⁴ «Вещи – это имущественные объекты, которые могут находиться в человеческом владении».

⁵ На наш взгляд, отдельные признаки такого подхода можно обнаружить и в российской правовой системе. Как следует из п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, ст. 8¹ ГК РФ содержит основополагающие правила государственной регистрации прав на имущество, подлежащие применению независимо от того, что является объектом регистрации (права на недвижимое имущество, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и др.) (Рос. газ. 2015. 30 июня).

в его классической интерпретации»¹. Такой подход разделяют и нидерландские юристы. Так, по мнению С. Ерпа, «объектом права собственности (очень часто называемым просто „собственность“) может быть как телесная вещь (движимая и недвижимая), так и право. В качестве примера последнего приведем договорное право, которое хотя и является личным по природе, связывая только стороны договора, тем не менее составляет часть имущества лица и по существу может быть объектом права собственности. В результате это право может быть передано кому-нибудь еще»². Вместе с тем в ст. 5:1 ГК Нидерландов прямо предусмотрено, что право собственности может быть установлено только в отношении материального объекта³. Как быть? Ответ находим у С. Ерпа: «Независимо от того, ограничиваете ли вы „право собственности“ правами, относящимися только к телесным вещам (как это сделано в новом Гражданском кодексе Нидерландов), или нет, это лишь вопрос... тесно связанный с юридической терминологией и структурой юридической системы, в которой используется этот термин»⁴.

Таким образом, мы не можем согласиться с критическими замечаниями исследователей, обвиняющих нидерландского законодателя в том, что он, «отрицая право собственности на имущество, не являющееся вещью, не попытался создать юридическую конструкцию, описывающую право на такие объекты, оказался не в силах сколько-нибудь внятно раскрыть содержание этого права как самостоятельной, отличной от права собственности юридической категории»⁵. На наш взгляд, закрепленная в ГК Нидерландов модель регулирования отношений, возникающих по поводу имущества, достаточно разумна. Взяв за основу юридическую конструкцию права собственности, законодатель подчеркнул общую юридическую природу любых отношений, затрагивающих имущество, в том числе возможность совершения активных действий самой управомоченной стороной. Те же нормы, которые относятся исключительно к вещным правам, настолько специализированные, что не могли быть объединены с общими положениями об имущественных правах. Полагаем, что именно поэтому законодатель отделил все правила, касающиеся собственности нескольких лиц на определенные виды недвижимости, от норм об общности. По нашему мнению, это не более чем прием законодательной техники⁶. Ведь в данном случае как раз особенности правового режима недвижимости, отличающие ее от иных видов имущества, предопределили их закрепление в рамках самостоятельного раздела. Вместе с тем содержание общих положений об имущественных правах не всегда позволяет говорить о возникновении какого-либо особого вида прав. Применительно к праву собственности это означает, что правила кн. 3 ГК Нидерландов только дополняют отсутствующие положения, но не создают параллельный механизм регулирования⁷.

¹ Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт.

² *Erp S. van. A Numerus Quasi-Clausus of Property Rights as a Constitutive Element of a Future European Property Law? // Electronic Journal of Comparative Law. 2003. Vol. 7.2; URL: <http://www.ejcl.org/72/abs72-2.html>.*

³ «Правом собственности является наиболее полное материальное право, которое лицо может иметь на вещь».

⁴ *Erp S. van. Op. cit.*

⁵ Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт.

⁶ М. М. Тиллема писал, что ГК Нидерландов «имеет „слоеную“ структуру» (цит. по: Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998. С. 241).

⁷ Такое распределение функций можно наблюдать во всех случаях выделения общих и специальных норм.

В противном случае пришлось бы признать, что в Нидерландах существуют два идентичных по своему содержанию абсолютных вещных права, что в некоторой степени абсурдно.

Мы не разделяем позицию Д. В. Федотова, утверждающего, что «нахождение положений об общем имуществе за пределами структурного подразделения Кодекса, посвященного вещным правам, а также отсутствие в книге 3 упоминания о праве собственности на общее совместное имущество формально дают основание предположить, что за исключением недвижимости (ведь на недвижимость прямо закреплено право *общей собственности*, правда, в другой книге Кодекса) права „участников“ (термин, используемый в ГК) на общее совместное имущество, в том числе даже на движимые вещи, не являются правом собственности!»¹

По нашему мнению, указанный вывод не вполне соотносится с содержанием ГК Нидерландов. Так, в соответствии со ст. 5:60 общая собственность возникает, если «недвижимость является совместной собственностью собственников двух или более участков земли и предназначается ими для общей пользы этих участков земли путем оформления нотариального акта и последующего внесения его в публичные реестры». Из буквального толкования текста статьи вытекает, что общая собственность возникает только при наличии совместной собственности и при выполнении ряда дополнительных условий. Ведь не зря ст. 5:61 в качестве основания прекращения общей долевой собственности называет прекращение совместной собственности. Также о совместной собственности как о самостоятельном правовом явлении среди прочих упоминают п. 2 ст. 5:14, ст. 5:15, п. 1 ст. 5:16 ГК Нидерландов. Исходя из этого можно заключить, что общая собственность является особой разновидностью совместной собственности, которая в свою очередь подпадает под действие норм об общем совместном имуществе. В таком случае необходимость выделения разд. 5 кн. 5 ГК Нидерландов об общей собственности можно обосновать только тем, что его действие распространяется исключительно на те отношения, в которых существуют особый субъектный состав² и специфический объект³.

Согласно ст. 3:166 ГК Нидерландов об общем совместном имуществе речь может идти тогда, когда один или несколько имущественных объектов совместно принадлежат двум или нескольким участникам общности. В отличие от ГГУ, ГК Нидерландов не рассматривает отношения между последними как отдельный вид обязательственных отношений. Так, в соответствии с п. 3 ст. 3:166 к правовым отношениям между участниками общности применяется ст. 6:2, которая гласит: «1. Кредитор и должник обязаны придерживаться требований разумности и справедливости во взаимных отношениях. 2. Обязательство, связывающее их в силу закона, обычаев или сделки, действительно в той мере, насколько это приемлемо в данных обстоятельствах по соображениям разумности и справедливости». Следовательно, Кодекс причисляет указанные отношения к отношениям из особого вида обязательств, возникающих в силу закона. При этом с учетом их специфики субсидиарному применению подлежат только те нормы, которые содержат наиболее общие положения, распространяющие свое действие на любые обязательства. Полагаем, что только такое за-

¹ Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве. С. 120.

² Собственники близлежащих, но все-таки различных земельных участков, зданий или сооружений, одновременно являющиеся сособственниками какого-либо объекта недвижимости.

³ Объект недвижимости, принадлежащий на праве собственности нескольким лицам и предназначенный ими для общей пользы каждого из их личных земельных участков, зданий или сооружений путем оформления нотариального акта, в последующем вносимого в публичные реестры.

конодательное решение позволило сохранить логику построения общей части имущественного права, поскольку в данном случае акцент сделан не на формальном размещении соответствующего раздела среди норм об обязательственных правах, а на закреплении правил, регулирующих отношения участников общности, в качестве общих положений.

Итак, сравнительный анализ положений двух европейских кодексов позволяет говорить о том, что ГК Нидерландов продвинулся несколько дальше ГГУ, так как содержащимся в нем правилам об общности прямо и недвусмысленно отведена роль общих положений, распространяющих свое действие на случаи обладания не только вещами, но и правами. В то же время в ГК Нидерландов, как и в ГГУ, вопросы исполнения обязательств со множественностью лиц регулируются отдельно.

Остановимся на нормах об общности прав, установленных в гражданских кодексах двух государств, ранее входящих в состав СССР, а ныне являющихся членами СНГ: Молдовы и Туркменистана.

Как утверждают цивилисты Молдовы, «в отличие от цивилистики большинства бывших союзных республик бывшего СССР, преимущественно тяготеющей к германской системе частного права, традиция гражданского права Молдовы формировалась под заметным романским влиянием»¹. Впрочем, на наш взгляд, правила, регулирующие отношения общности прав (закреплены в гл. XXIX разд. III кн. 3), сконструированы именно по образцу соответствующих норм ГГУ². Это подтверждают расположение гл. XXIX, ее объем³ и содержание⁴. Но несмотря на значительное сходство, ГГУ и ГК Молдовы имеют несколько важных отличий.

Во-первых, как отмечалось, ГГУ не содержит развернутых правил об общей долевой собственности. Именно поэтому предусмотренные разд. 17 положения об общности прав не обеспечивают должный объем регулирования внутренних отношений собственников. Напротив, ГК Молдовы, продолжая традиции гражданского законодательства Советского Союза, подробно регламентирует отношения общей собственности (гл. III разд. III кн. 2), к которой в силу наличия специальных норм применимы только отдельные правила гл. XXIX⁵.

Во-вторых, ГГУ в качестве одного из центральных правомочий, предоставленных участникам общности, выделяет «управление». Причем применительно к общности регулирование «управленческих» отношений имеет большое значение в связи с превалированием идеи экономически выгодной собственности⁶. В ГК Молдовы перечень

¹ Каленик А. В., Некит Е. Г., Осояну Н. Г. и др. Гражданское законодательство Республики Молдова и Украины: традиции, современность, перспективы: коллектив. моногр. / под ред. Е. О. Харитонов. Кишинев; Одесса, 2012. С. 45.

² В титуле IX bis кн. 3 Гражданского кодекса Франции предусмотрена несколько иная юридическая конструкция: «Лица, которым надлежит осуществлять в отношении общего имущества права собственников, собственников без права пользования или узуфруктуариев, могут заключать соглашения, касающиеся осуществления этих прав» (СПС «КонсультантПлюс»). Таким образом, ГК не содержит положений, направленных на регулирование отношений в любой общности.

³ Глава XXIX ГК Молдовы включает в себя 16 статей, а разд. 17 – 18.

⁴ В гл. XXIX ГК Молдовы почти дословно воспроизведены отдельные положения Гражданского уложения Германии.

⁵ По словам Е. О. Харитонов, содержание Основ гражданского законодательства Союза ССР от 8 декабря 1961 г. «полностью было включено в ГК УССР. Оно также было воспроизведено с незначительными дополнениями и в гражданских кодексах других союзных республик, в том числе в ГК Молдавской ССР» (цит. по: Каленик А. В., Некит Е. Г., Осояну Н. Г. и др. Указ. соч. С. 25).

⁶ Говоря об общей собственности, У. Б. Филатова подчеркивает, что «вопросы об управлении общим имуществом имеют большее значение, чем в обычной собственности, так как в отношениях собственности

правомочий, принадлежащих участникам общности, расширен и детализирован. К ним отнесены определение порядка ведения дел и пользования общим имуществом (ст. 1359), совершение сделок по сохранению имущества (ст. 350)¹, совершение сделок по сохранению имущества и управлению им (ст. 368)².

В ст. 1355 гл. XXIX ГК Молдовы указано: «Если определенное право принадлежит совместно нескольким лицам (участникам), применяются положения настоящей главы, если законом не предусмотрено иное». Исходя из этого на первый взгляд кажется, что правила об общности применимы к любой множественности лиц. Но текст закона опровергает этот вывод. Так, значительную часть гл. XXIX составляют положения, которые посвящены порядку определения долей (ст. 1356), распоряжению ими (ст. 1361), распределению плодов (ст. 1357), распоряжению общим имуществом (ст. 1358), а также определению порядка ведения дел и пользованию общим имуществом (ст. 1359). Здесь же урегулированы вопросы распределения обязанностей, связанных с общим имуществом (ст. 1362, 1367, 1368), и способы прекращения общности (ст. 1363–1365). По нашему мнению, содержание указанных статей значительно сужает действие общих правил об общности прав. Это связано с тем, что они могут применяться только к тем правам, осуществление которых возможно в результате самостоятельных поведенческих актов управомоченных лиц³. К последним следует отнести прежде всего вещные, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства идентификации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или оказываемых услуг.

Обратим внимание на то, как в ГК Молдовы толкуются понятия «вещь» и «имущество». Согласно ст. 284 (1) Кодекса «имуществом признается совокупность принадлежащих определенным физическим и юридическим лицам имущественных прав и обязанностей (поддающихся оценке в денежном выражении), рассматриваемых как сумма активных и пассивных ценностей, тесно связанных между собой». В целом приведенное определение соответствует одной из сложившихся и уже привычных для отечественного гражданского права точек зрения⁴. Иначе в ГК Молдовы трактуется вещь. Так, в силу ст. 285 (1) «вещами признаются все предметы, которые могут быть индивидуальной или коллективной принадлежностью, и *имущественные права*» (курсив наш. – В. Г.). Одновременно ст. 285 (2) закрепляет, что «предметами признаются материальные объекты, в отношении которых могут существовать граж-

теснейшим образом переплетаются интересы, в том числе и экономические, нескольких лиц» (Филатова У. Б. Указ. соч. С. 49).

¹ Согласно ст. 198 (1) ГК Молдовы сделкой по сохранению считается сделка, которая направлена на предупреждение утраты субъективного гражданского права. Раскрывая ее содержание, О. А. Халабуденко указывает, что, «в частности, сособственники вправе заявлять требования, в том числе исковые, о защите общей долевой собственности, взыскивать по ним пропорционально доле в общей долевой собственности» (Халабуденко О. А. Имущественные права. Кн. 1: Вещное право. Кишинев, 2011. С. 202–203).

² В ст. 198 (2) ГК Молдовы предусмотрено, что сделкой по управлению считается сделка, которая направлена на обычное использование вещи или имущества: «Речь, прежде всего, идет о совершении сособственником юридически значимых действий, направленных на обычное использование имущества, не изменяющих сущности и назначения такого имущества (сделки по управлению). Сособственник также вправе самостоятельно, юридически значимыми действиями, предупреждать утрату субъективного права собственности, защищая ее посредством мер самозащиты, а также прибегая к притязаниям в исковой или иной, предусмотренной законом, форме (сделки по сохранению)» (Халабуденко О. А. Указ. соч. С. 212).

³ Халабуденко О. А. Указ. соч. С. 12.

⁴ Там же.

данские права и обязанности». Правовой режим предметов и имущественных прав разграничивается далеко не во всех случаях¹, и это только подчеркивает значение вещи как обобщающей юридической конструкции. Вместе с тем в ст. 315 (1) говорится о том, что «собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения *вещью*» (курсив наш. – В. Г.), а не предметом.

Следовательно, ГК Молдовы прямо и недвусмысленно указывает, что имущественное право является объектом вещных отношений. Говоря об общей собственности, молдавские исследователи подчеркивают, что согласно ст. 285 ГК Молдовы «под вещью, помимо предметов, понимаются и имущественные права, то есть возможно существование сособственников не только, например, жилого дома, но и права требования»². А значит, законодатель Молдовы пошел по пути «прямого включения не вещественных объектов в сферу регулирования вещных прав в качестве общего правила с исключениями»³.

Итак, речь снова заходит о наличии именно абсолютного права на требования, причем не непоименованного, как это предусмотрено в ГК Нидерландов, а вещного. Это наличие подтверждается и при сопоставлении указанных положений с нормами, посвященными множественности лиц в обязательствах и содержащимися главным образом в гл. II разд. I кн. 3 ГК Молдовы. В ст. 512 (1) подчеркивается, что «кредитор имеет право требовать от должника производства исполнения, а должник обязан произвести его». Поэтому большинство правил, связанных с множественностью лиц, касается порядка исполнения существующего требования.

Таким образом, ГК Молдовы предлагает подробную систему норм, направленных на регулирование отношений общности прав. При этом правила об общей долевой собственности действуют не помимо положений об общности прав, а наряду с ними, что отличает молдавскую модель регулирования общности прав от немецкой и нидерландской. Но и в таком случае указанные положения не носят всеобъемлющего характера, поскольку по общему правилу не распространяют свое действие на исполнение обязательств с множественностью лиц.

Гражданский кодекс Туркменистана⁴ также имеет черты, объединяющие его с ГГУ, поскольку в его подготовке принимали участие немецкие специалисты. Но в целом ГК Туркменистана является самостоятельным кодифицированным актом. Тем самым интересующая нас система положений об общности прав, хотя и несет отпечаток немецкого опыта правового регулирования, представляет собой оригинальное правовое творческое решение.

Как и в ГГУ, в ГК Туркменистана правила об общих правах закреплены в части, посвященной обязательственному праву, а именно в ст. 993–1008 гл. 1. разд. 3 ч. 3. Помимо общих прав (гл. 1), указанный раздел также регламентирует ведение чужих дел без поручения (гл. 2) и отношения, возникающие из неосновательного обогащения (гл. 3). Следовательно, вслед за ГГУ ГК Туркменистана признает внутренние отношения участников общности разновидностью обязательственных. Причем само

¹ Такого разграничения нет, например, в ст. 287, 299 ГК Молдовы.

² Андронатий А. Практический комментарий к главе «Общая собственность» Гражданского кодекса Республики Молдовы // URL: <http://real-voice.info/art/notar34.htm>.

³ Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве. С. 126.

⁴ Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_book_det.php?book_id=2.

обязательство всегда возникает в силу закона вне зависимости от основания возникновения общности прав¹.

Помимо перечисленных положений ГК Туркменистана включает правила, посвященные общей собственности (ст. 194), общей собственности собственников жилого помещения (гл. 4 разд. 3 ч. 2), общему имуществу участников совместной деятельности (ст. 973, п. 2 ст. 978), общей собственности наследников (ст. 1218, 1237), множественности кредиторов или должников в обязательстве (гл. 9 разд. 1 ч. 3), соавторству (п. 4 ст. 1055), принадлежности исключительного права или права на средство индивидуализации нескольким лицам (п. 3 ст. 1056). Кроме того, гл. 9 Семейного кодекса Туркменистана регулирует отношения, связанные с общей совместной собственностью супругов².

Таким образом, ГК Туркменистана, как и ГГУ, содержит группу норм, регулирующих отношения общности прав и дополняющих специальные правила, посвященные отдельным случаям совместного обладания правами. Как и ГГУ, ГК Туркменистана закрепил такое правомочие обладателей общих прав, как «управление». Интересно, что в отношении индивидуальной собственности такое правомочие не выделено, что подчеркивает желание законодателя создать эффективную конструкцию, обеспечивающую длительное существование отношений общности прав.

В то же время в ГК Туркменистана, как и в ГГУ, правила об общих правах рассчитаны в первую очередь на восполнение дефицита норм об общей собственности (им посвящена одна статья). В поддержку такой позиции можно сослаться на то, что гл. 1 разд. 3 ч. 3 ГК Туркменистана говорит о долевых собственниках именно «общего предмета», а не «общего имущества». Но несмотря на это, нет оснований толковать закон ограничительно и распространять его положения только на отношения, возникающие по поводу телесных вещей.

С одной стороны, согласно п. 1 ст. 166 ГК Туркменистана «имуществом являются любой предмет и нематериальное благо, владеть, пользоваться и распоряжаться которыми могут физические и юридические лица и приобретение которых возможно без ограничений, если это не запрещено законом или не противоречит нормам морали». Как подчеркивают авторы комментария к ГК Туркменистана, «вещи – это предметы материального внешнего мира, находящиеся в твердом, жидком, газообразном или ином физическом состоянии. Главным назначением вещей является удовлетворение потребностей субъектов гражданских прав»³. Также, по их словам, «к нематериальным благам относятся требования и права, которые могут быть переданы другим лицам, то есть оборотоспособные права и требования»⁴. Таким образом, ГК Туркменистана четко различает телесные предметы (вещи) и нематериальные блага.

С другой стороны, раскрывая понятие права собственности, закон оперирует именно термином «имущество». Так, в соответствии с п. 1 ст. 191 ГК Туркменистана «собственник может в пределах ограничений, установленных законом или договором, свободно владеть и пользоваться имуществом (вещью)...». Исходя из указанного

¹ Так, согласно п. 1 ст. 194 ГК Туркменистана общая собственность возникает в силу закона или на основании сделки.

² Семейный кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8345.

³ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Туркменистана. Т. 2: Статьи 166–329. Ашхабад, 2013. С. 24 // URL: <http://www.rol-ca.org/ru/resources/publications/civil-law-and-civil-procedure-law/civil-code-of-turkmenistan>.

⁴ Там же.

обстоятельства, туркменские цивилисты пришли к выводу о том, что «согласно законодательству Туркменистана права также могут быть объектом собственности»¹. А значит, действие правил об общих правах распространяется, в том числе, на имущественные права. В то же время, на наш взгляд, эти правила не регламентируют отношения, связанные с исполнением в пользу солидарных кредиторов, поскольку они достаточно детально урегулированы нормами соответствующей части Кодекса.

Таким образом, все проанализированные законодательные акты содержат развернутую систему правил, посвященных совместному обладанию правами. Вместе с тем законодатели упомянутых нами стран отказались от всеобъемлющей регламентации подобных отношений, предусмотрев достаточно много исключений. Кроме того, ни один из кодексов не закрепил правила, одинаково распространяющие свое действие на множественность лиц как в абсолютных, так и в относительных правоотношениях. Это ставит под сомнение позицию авторов, утверждающих, что «цивиристами признается единство правовой природы множественности лиц в абсолютных и относительных правоотношениях»². Именно поэтому полагаем, что в рамках российской правовой системы целесообразно разработать конструкцию совместного обладания правами только для абсолютных правоотношений. При этом полезно обратиться к иностранному опыту, а именно к рассмотренным выше нормам зарубежного законодательства как находящегося на более высоком уровне развития, чем отечественное.

Библиография

Erp S. van. A Numerus Quasi-Clausus of Property Rights as a Constitutive Element of a Future European Property Law? // *Electronic Journal of Comparative Law*. 2003. Vol. 7.2; URL: <http://www.ejcl.org/72/abs72-2.html>.

Storme M. E. Property Law in a Comparative Perspective. L., 2004.

Андронатий А. Практический комментарий к главе «Общая собственность» Гражданского кодекса Республики Молдовы // URL: <http://real-voice.info/art/notar34.htm>.

Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота М., 2005.

Бевзенко Р. С. Гражданский переворот // *ЭЖ-Юрист*. 2009. № 10.

Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 6 и 7 / отв. ред. Ф. Й. М. Фельдбрюгге. Лейден, 2000.

Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_book_det.php?book_id=2.

Гражданский кодекс Франции // СПС «КонсультантПлюс».

Гражданское право Германии: хрестоматия избранных произведений Франца Бернхейфа и Йозефа Колера / сост. Р. С. Куракин, Е. В. Семенова. М., 2014.

Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; сост. В. Бергманн. М., 2015.

Егоров А. В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав собственников // *Вестн. гражданского права*. 2012. № 4.

Ермолаев С. Н. Множественность лиц в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть вторая // *Вестн. гражданского права*. 2010. № 1.

Каленик А. В., Некит Е. Г., Осояну Н. Г. и др. Гражданское законодательство Республики Молдова и Украины: традиции, современность, перспективы: коллектив. моногр. / под ред. Е. О. Харитонов. Кишинев; Одесса, 2012.

Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.

¹ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Туркменистана. Т. 2.

² *Ермолаев С. Н.* Множественность лиц в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 14.

Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Туркменистана. Т. 2: Статьи 166–329. Ашхабад, 2013 // URL: <http://www.rol-ca.org/ru/resources/publications/civil-law-and-civil-procedure-law/civil-code-of-turkmenistan>.

Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.

О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. 2015. 30 июня.

Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М., 1998.

Семейный кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. от 23 мая 2015 г.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8345.

Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.

Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве. М., 2014.

Федотов Д. В. Правовое регулирование отношений по поводу бестелесного имущества: зарубежный опыт // Рос. юрид. журн. 2011. № 4.

Филатова У. Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом. М., 2013.

Халабуденко О. А. Имущественные права. Кн. 1: Вещное право. Кишинев, 2011.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. М., 2012. Кн. 1.

Bibliography

Andronatij A. Prakticheskij kommentarij k glave «Obshhaya sobstvennost'» Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Moldovy // URL: <http://real-voice.info/art/notar34.htm>.

Bajbak V. V. Obyazatel'stvennoe trebovanie kak ob'ekt grazhdanskogo oborota M., 2005.

Bevzenko R. S. Grazhdanskij perevorot // EhZh-Yurist. 2009. № 10.

Egorov A. V. Obshhaya dolevaya sobstvennost': mexanizm zashhity prav sosobstvennikov // Vestn. grazhdanskogo prava. 2012. № 4.

Ermolaev S. N. Mnozhestvennost' lic v grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2014.

Erp S. van. A Numerus Quasi-Clausus of Property Rights as a Constitutive Element of a Future European Property Law? // Electronic Journal of Comparative Law. 2003. Vol. 7.2; URL: <http://www.ejcl.org/72/abs72-2.html>.

Fedotov D. V. Bestelesnoe imushhestvo v grazhdanskom prave. M., 2014.

Fedotov D. V. Pravovoe regulirovanie otnoshenij po povodu bestelesnogo imushhestva: zarubezhnyj opyt // Ros. yurid. zhurn. 2011. № 4.

Filatova U. B. Konceptiya razvitiya instituta obshhej sobstvennosti v Rossii i za rubezhom. M., 2013. Grazhdanskij kodeks Niderlandov. Knigi 2, 3, 6 i 7 / отв. ред. F. J. M. Fel'dbryugge. Lejden, 2000.

Grazhdanskij kodeks Turkmenistana ot 17 iyulya 1998 g. № 294-1 (s izm. i dop. ot 23 maya 2015 g.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_book_det.php?book_id=2.

Grazhdanskij kodeks Francii // SPS «Konsul'tantPlyus».

Grazhdanskoe pravo Germanii: xrestomatiya izbrannyx proizvedenij Franca Bernxhefta i Jozefa Kolera / sost. R. S. Kurakin, E. V. Semenova. M., 2014.

Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyj zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu / per. s nem.; sost. V. Bergmann. M., 2015.

Kalenik A. V., Nekit E. G., Osoyanu N. G. i dr. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Respubliki Moldova i Ukrainy: tradicii, sovremennost', perspektivy: kollektiv. monogr. / pod red. E. O. Xaritonova. Kishinev; Odessa, 2012.

Makovskij A. L. O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006). M., 2010.

Nauchno-prakticheskij kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Turkmenistana. T. 2: Stat'i 166–329. Ashxabad, 2013 // URL: <http://www.rol-ca.org/ru/resources/publications/civil-law-and-civil-procedure-law/civil-code-of-turkmenistan>.

Novak D. V. Neosnovatel'noe obogashhenie v grazhdanskom prave. M., 2010.

O primeneni sudami nekotoryx polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 g. № 25 // Ros. gaz. 2015. 30 iyunya.

Pravovaya sistema Niderlandov / otv. red. V. V. Bojcova, L. V. Bojcova. M., 1998.

Semejnyj kodeks Turkmenistana ot 17 iyulya 1998 g. № 294-1 (s izm. i dop. ot 23 maya 2015 g.) // URL: http://minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8345.

Storme M. E. Property Law in a Comparative Perspective. L., 2004.

Tuktarov Yu. E. Oborotosposobnye prava (sravnitel'noe issledovanie) // Ob"ekty grazhdanskogo oborota / otv. red. M. A. Rozhkova. M., 2007.

Xalabudenko O. A. Imushhestvennye prava. Kn. 1: Veshhnoe pravo. Kishinev, 2011.

Yakovlev V. F. Izbrannye trudy. T. 2: Grazhdanskoe pravo: istoriya i sovremennost'. M., 2012. Kn. 1.

Zimeleva M. V. Obshhaya sobstvennost' v sovetskom grazhdanskom prave. Chast' vtoraya // Vestn. grazhdanskogo prava. 2010. № 1.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ СНГ

Кургузиков Максим Сергеевич

Аспирант кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: Kurguzikov@list.ru

На основе законодательства Содружества Независимых Государств проанализированы способы формирования органов конституционного контроля. Выявлена взаимосвязь между способом формирования органа и порядком назначения председателя и заместителя председателя органа. Способ формирования органа конституционного контроля должен обеспечивать его независимость от других органов государственной власти, однако не во всех государствах СНГ этот принцип реализуется.

Ключевые слова: СНГ, конституция, конституционность, конституционный контроль, формирование органов конституционного контроля, председатель органа, заместитель председателя органа

WAYS TO FORM THE BODIES OF CONSTITUTIONAL CONTROL IN CIS COUNTRIES

Kurguzikov Maxim

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: Kurguzikov@list.ru

The article considers the methods of forming the bodies of constitutional control on the basis of CIS legislation. The correlation between a way of forming the body and an appointment of the chairman and deputy chairman of the body is revealed. A way of forming the body of constitutional control ensures its independence from the other public authorities, but not all of the CIS states has implemented this principle.

Key words: Commonwealth of Independent States, constitution, constitutionality, constitutional control, ways to form the bodies of constitutional control, chairman of the body, deputy chairman of the body

Практически во всех современных государствах на законодательном уровне были учреждены и успешно интегрированы в механизм государственной власти органы, осуществляющие проверку конституционности нормативных правовых актов. Государства-участники СНГ не стали исключением, и в большинстве из них созданы конституционные суды. Ведущим принципом работы этих органов является принцип независимости, который гарантирует их самостоятельность, автономность от других органов государственной власти и объективность принятых решений. Органы, осуществляющие проверку конституционности нормативных актов, также называются органами конституционного контроля. Орган конституционного контроля – это специально уполномоченный государственный орган, чья деятельность направлена на обеспечение верховенства конституции, предупреждение издания не соответствующих Основному закону нормативных актов, установление и устранение неконституционных законов, иных нормативных актов или действий и в случае необходимости

толкование конституции и законов¹. От способа формирования органа конституционного контроля напрямую зависит степень его независимости от других органов государственной власти.

В формировании специализированных органов, осуществляющих проверку конституционности нормативных актов, принимают участие различные органы государственной власти стран СНГ. При этом степень их участия в этом процессе неодинакова. Так, в Белоруссии, Казахстане и Армении президент и законодательный орган государственной власти напрямую задействованы в формировании органов конституционного контроля.

Конституционный суд Белоруссии состоит из 12 судей, шесть из которых назначает Президент, а остальных – Совет Республики. Последний является верхней палатой представительного органа Белоруссии, который состоит из 64 должностных лиц. В силу ст. 91 Конституции Белоруссии² Президент непосредственно участвует в формировании верхней палаты парламента и назначает восемь членов Совета Республики. Кандидатуры судей предлагает председатель Конституционного суда, который назначается Президентом с согласия Совета Республики (п. 8 ст. 84 Конституции).

В Казахстане полномочиями по конституционному контролю наделен квазисудебный орган – Конституционный совет. Президент Казахстана назначает председателя и двух членов Совета, председатель Сената (верхней палаты парламента) – двух членов Совета, столько же – председатель Мажилиса (нижней палаты парламента). В нижнюю палату парламента Казахстана входят граждане государства, наделенные активным избирательным правом. Верхняя палата парламента Казахстана состоит из 47 депутатов, 15 из которых назначает Президент Казахстана (ст. 59, 58 Конституция Казахстана)³.

В отличие от Белоруссии и Казахстана в Армении законодательный орган – Национальное собрание – является однопалатным парламентом. Конституционный суд Армении состоит из девяти судей, пять из которых назначает Национальное собрание (п. 1 ст. 83 Конституции Армении⁴), четырех – Президент (п. 10 ст. 55 Конституции Армении). Председатель Конституционного суда выбирается Национальным собранием из состава судей по предложению председателя Национального собрания. Если по истечении 30 дней после образования вакансии Национальное собрание не решит вопрос о том, кто займет эту должность, Президент Армении вправе сам назначить председателя органа конституционного контроля (п. 2 ст. 83 Конституции Армении).

Таким образом, в Армении, Белоруссии и Казахстане парламент и президент непосредственно назначают должностных лиц в органы, осуществляющие проверку конституционности нормативных актов. При этом в Белоруссии и Казахстане законодательные органы власти являются двухпалатными, но только в Казахстане обе палаты задействованы в решении рассматриваемого вопроса. Неучастие нижней палаты парламента Белоруссии в формировании Конституционного суда свидетельствует об ущемлении прав и законных интересов части ее граждан⁵.

¹ Несмеянова С. Э. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 19.

² Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1994. № 9. Ст. 144.

³ Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.

⁴ Республика Армения. 1995. 21 июля.

⁵ Идея формирования двухпалатного парламента возникла в силу необходимости уравнивания разнонаправленных интересов двух слоев общества – представителей аристократии, зажиточных граждан и представителей «простого» народа. Иными словами, только двухпалатные законодательные органы способны учесть интересы всего населения государства.

Стоит обратить внимание и на то, что в Белоруссии и Казахстане депутаты верхних палат парламентов, участвующие в формировании органов, осуществляющих проверку конституционности нормативных актов, назначаются президентом. Следовательно, они, скорее всего, будут поддерживать кандидатуру на должность в орган конституционного контроля того лица, которое лояльно к главе государства. При таком порядке назначения должностных лиц органа конституционного контроля возможна ситуация, когда будет реализована воля главы государства, а не парламента.

Итак, если в Армении Президент и парламент при формировании Конституционного суда участвуют на равных, то в Белоруссии и Казахстане при решении данного вопроса приоритет отдается интересам главы государства.

Президент и парламент принимают участие в формировании конституционных судов также в Азербайджане, Киргизии, России, Таджикистане и Узбекистане. В указанных странах президент не вправе самостоятельно назначать должностных лиц органа конституционного контроля. Он представляет кандидатуры на должность судей в парламент, который выступает за или против предложенных кандидатур. Назначенным считается тот кандидат, который получит больше половины голосов. Полагаем, что при таком способе формирования органа конституционного контроля, с одной стороны, представительному органу отведена первостепенная роль, так как именно он одобряет или не одобряет предложенную кандидатуру; с другой – этот орган не вправе самостоятельно подобрать и назначить должностное лицо конституционного суда и фактически исполняет волю главы государства. Аналогично назначаются председатель и заместитель председателя конституционного суда в России, Таджикистане и Узбекистане. В Азербайджане глава государства сам назначает председателя и заместителя председателя Конституционного суда, что еще больше усиливает его роль в формировании состава органа конституционного контроля.

Отдельно рассмотрим способ формирования Конституционной палаты Верховного суда Киргизии, которая является органом конституционного контроля и состоит из 11 судей. Судьи назначаются Жогорку Кенешем (парламент) по представлению президента. Глава государства основывает свое предложение на результатах отбора судей, который осуществляет на конкурсной основе специальный Совет. В определении состава последнего глава государства не принимает участия, Совет по отбору судей формируется Советом судей, парламентским большинством и парламентской оппозицией (ст. 95 Конституции Киргизии¹). Также в Киргизии председатель, заместитель председателя и судья-секретарь Конституционной палаты избираются судьями органа самостоятельно посредством тайного голосования. Получается, что в Киргизии в отличие от Азербайджана, России, Таджикистана и Узбекистана право Президента предлагать кандидатуры на должность в орган конституционного контроля ограничено Советом по отбору судей, а своих руководителей Конституционная палата назначает сама. Следует отметить, что аналогичный способ формирования органа конституционного контроля применяется в Венгрии, Польше, Перу, Словакии, Германии и Латвии.

Таким образом, в Азербайджане, Киргизии, России, Таджикистане и Узбекистане в формировании органа конституционного контроля участвуют представительный орган государственной власти и президент, однако в отличие от Армении, Белоруссии и Казахстана в них правом непосредственно назначать судей органов конституцион-

¹ Эркин Тоо. 2010. № 60.

ного контроля наделен парламент. При этом в Азербайджане, России, Таджикистане и Узбекистане более значительная роль в формировании органа отведена президенту. Представляется, что такой способ формирования потенциально ставит орган конституционного контроля в зависимое положение от главы государства. Интересный способ назначения используется в Киргизии, где Совет по отбору судей, с одной стороны, способствует избранию достойных кандидатов для замещения вакантных мест в органе, а с другой – ограничивает власть Президента в решении рассматриваемого вопроса.

В некоторых государствах СНГ, в частности в Молдове и Украине, в формировании органов, осуществляющих проверку конституционности нормативных правовых актов, кроме законодательного органа и главы государства принимают участие представители судебной власти. Так, Конституционный суд Молдовы состоит из шести судей, двух из которых назначает парламент, двух – Президент, двух – Высший совет магистратуры¹. Последний является независимым органом, осуществляющим судебное самоуправление, способствующим эффективной организации и функционированию судебной системы и гарантирующим независимость судебной власти². Председатель Конституционного суда избирается из состава судей тайно большинством голосов судей на трехлетний срок³.

Схожим образом формируется Конституционный суд Украины, который состоит из 18 судей. Так, Президент, Верховная Рада и Съезд судей Украины назначают по шесть судей Конституционного суда (ст. 148 Конституция Украины)⁴. Верховная Рада и Съезд судей назначают судей тайным голосованием. Внести кандидатуру на должность судьи в Верховную Раду вправе ее председатель и группа депутатов в количестве не менее одной четверти конституционного состава Рады (не менее 113 народных депутатов). Правом внести кандидатуру на рассмотрение Съезда судей обладает любой из делегатов. Председатель Конституционного суда Украины избирается на заседании органа тайным голосованием простым большинством голосов из состава судей на один трехлетний срок.

Таким образом, в формировании конституционных судов Молдовы и Украины принимают участие президент, парламент и органы судейского сообщества, которые являются представителями судебной ветви власти.

В 2016 г. Грузия вышла из состава СНГ, но способ формирования органа конституционного контроля в данном государстве заслуживает внимания. Грузия в этом вопросе во многом пошла по пути Молдовы и Украины. Так, Конституционный суд Грузии состоит из девяти судей: трех назначает Президент, трех – Верховный суд, трех – Парламент. В Парламенте правом предлагать кандидатуры на должность судьи обладают председатель Парламента, парламентская фракция и группа членов Парламента в составе не менее десяти человек, не входящих ни в одну из фракций. В Грузии трех судей в Конституционный суд назначает именно судебный орган государственной власти – Верховный суд, а не орган судейского сообщества, как в Молдове и Украине. Кандидатов, подлежащих назначению в Конституционный суд

¹ Статья 6 Закона Республики Молдова от 13 декабря 1994 г. № 317-XIII «О Конституционном суде» (с изм. от 31 июля 2015 г.) (Официальный монитор Республики Молдова. 1995. № 8. Ст. 86).

² О Высшем совете магистратуры: Закон Республики Молдова от 19 июля 1996 г. № 947-XIII (с изм. от 28 мая 2015 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 1996. № 064.

³ Статьи 6, 7 Закона Республики Молдова «О Конституционном суде».

⁴ Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141.

Грузии, выдвигает на пленуме Верховного суда его председатель. Порядок назначения председателя органа конституционного контроля в Грузии также отличен от порядка, установленного в Молдове и Украине. Так, председателя Конституционного суда Грузии избирают судьи из своего состава на пять лет, при этом избранным считается кандидат, за которого проголосовало не менее пяти судей. Однако судьи не сами предлагают кандидатуры председателя, ее выдвигают по согласованному предложению Президента, председателя Парламента и председателя Верховного суда¹.

Следовательно, в формировании органа конституционного контроля могут принимать участие глава государства, законодательный и судебный орган государственной власти (или орган судейского сообщества). Они назначают одинаковое количество судей конституционного суда, которые, как правило, самостоятельно выбирают из своего состава председателя органа. Представляется, что если в формировании органа конституционного контроля в равной степени участвуют все три ветви государственной власти, состав суда становится сбалансированным, политически нейтральным, а орган – беспристрастным арбитром в спорах между представителями разных ветвей государственной власти. Такой способ формирования органа конституционного контроля используется не только в некоторых государствах-участниках СНГ, но и в Болгарии, Габоне, Италии, Испании, Литве, Мадагаскаре, Монголии, Турции и Корее.

Итак, следует признать, что от способа назначения членов органов конституционного контроля напрямую зависит порядок замещения должности его руководителя. Если в формировании органа конституционного контроля участвует преимущественно один государственный орган, ему и предоставлено право назначать председателя. Если в формировании органа конституционного контроля задействованы представители трех ветвей государственной власти, его председателя выбирают члены этого органа из своего состава самостоятельно путем тайного голосования. При этом влияние какой-либо ветви государственной власти на выбор членами органа конституционного контроля председателя сводится к минимуму, что является гарантией от злоупотребления властными полномочиями, а также способствует уменьшению противоречий между членами органа.

Как уже было отмечено, в большинстве стран СНГ созданы специализированные обособленные органы, основной задачей которых является проверка конституционности нормативных правовых актов. Исключением является Туркменистан, где данными полномочиями наделен орган законодательной власти – Меджлис, члены которого избираются гражданами Туркменистана, наделенными активным избирательным правом. С одной стороны, при таком способе формирования органа конституционного контроля граждане сами являются, условно говоря, его творцами, с другой – электорат не в первую очередь задумывается о том, что депутаты парламента будут осуществлять проверку нормативных правовых актов на соответствие Конституции, поскольку даже в самом Основном законе Туркменистана это полномочие парламента занимает 12-е место в списке правомочий. Кроме того, вызывает вопросы качество конституционного контроля, поскольку к кандидатам в депутаты парламента Туркменистана (в частности, к их возрасту, образованию и стажу работы по юридической специальности) предъявляются не столь высокие квалификационные требования, как к должностным лицам специализированных органов конституционного контроля.

¹ Статья 10 Органического закона Грузии «О Конституционном суде Грузии» (Ведомости Парламента Грузии. 1996. № 5–6).

Итак, исходя из сказанного, можно выделить четыре способа формирования органов конституционного контроля в СНГ. Первый способ применяется в Армении, Белоруссии и Казахстане, в которых глава государства и представительный орган непосредственно назначают членов органов конституционного контроля, при этом только в Армении Президент и Парламент формируют Конституционный суд на паритетных началах. Второй способ используется в Азербайджане, Киргизии, России, Таджикистане и Узбекистане, где глава государства и представительный орган тоже участвуют в назначении судей конституционных судов, однако правом непосредственно назначать должностных лиц наделен парламент (при этом предложения о кандидатурах на эту должность вносятся президентом). Третий способ реализован в Грузии, Молдове и Украине, где представители трех ветвей государственной власти на равных участвуют в определении состава органа конституционного контроля, а председатель органа назначается судьями самостоятельно. Четвертый способ характерен для Туркменистана, где не создан отдельный специализированный орган конституционного контроля, а его полномочия переданы парламенту, в формировании которого участвует все граждане страны, наделенные активным избирательным правом. Представляется, что третий способ предпочтителен, поскольку обеспечивает формирование политически нейтрального независимого органа конституционного контроля.

Библиография

Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // Эркин Тоо. 2010. № 60.

Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. // Республика Армения. 1995. 21 июля.

Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. 5 января 1999 г.) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1994. № 9. Ст. 144.

Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм. от 2 февраля 2011 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.

Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (с изм. от 21 февраля 2014 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141.

Несмеянова С. Э. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994.

О Высшем совете магистратуры: Закон Республики Молдова от 19 июля 1996 г. № 947-XIII (с изм. от 28 мая 2015 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 1996. № 064.

О Конституционном суде Грузии: Органический закон Грузии // Ведомости Парламента Грузии. 1996. № 5–6.

О Конституционном суде: Закона Республики Молдова от 13 декабря 1994 г. № 317-XIII (с изм. от 31 июля 2015 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 1995. № 8. Ст. 86.

Bibliography

Konstituciya Kyrgyzskoj Respubliki ot 27 iyunya 2010 g. // Ehrkin Too. 2010. № 60.

Konstituciya Respubliki Armeniya ot 5 iyulya 1995 g. // Respublika Armeniya. 1995. 21 iyulya.

Konstituciya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. (s izm. 5 yanvary 1999 g.) // Vedomosti Nacional'nogo sobraniya Respubliki Belarus'. 1994. № 9. St. 144.

Konstituciya Respubliki Kazaxstan ot 30 avgusta 1995 g. (s izm. ot 2 fevralya 2011 g.) // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazaxstan. 1996. № 4. St. 217.

Konstituciya Ukrainy ot 28 iyunya 1996 g. (s izm. ot 21 fevralya 2014 g.) // Vedomosti Verxovnoj Rady Ukrainy. 1996. № 30. St. 141.

Nesmeyanova S. Eh. Pravovye problemy stanovleniya specializirovannogo konstitucionnogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 1994.

О Конституционном суде Грузии: Organicheskiy zakon Gruzii // Vedomosti Parlamenta Gruzii. 1996. № 5–6.

О Конституционном суде: Zakona Respubliki Moldova ot 13 dekabrya 1994 g. № 317-XIII (s izm. ot 31 iyulya 2015 g.) // Oficial'nyj monitor Respubliki Moldova. 1995. № 8. St. 86.

О Vysshem sovete magistratury: Zakon Respubliki Moldova ot 19 iyulya 1996 g. № 947-XIII (s izm. ot 28 maya 2015 g.) // Oficial'nyj monitor Respubliki Moldova. 1996. № 064.

**РЕГИСТРАЦИОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ:
ПОНЯТИЕ, СВОЙСТВА И СОДЕРЖАНИЕ****Бирюков Валерий Васильевич**

Доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: bvvkrimlavd@mail.ru

Основу любого учения составляют его терминология, понятийный аппарат и классификации. Именно обоснованию понятия, раскрытию содержания и рассмотрению свойств регистрационной информации, а также ее соотношению с другой информацией, используемой при расследовании преступлений, посвящена статья.

Ключевые слова: информационно-справочное обеспечение расследования преступлений, криминалистически значимая информация, регистрационная информация, основная учетная единица, картотека, база данных, записи базы данных, информационная система, фактографическая информационная система

**REGISTRATION INFORMATION:
THE CONCEPT, CHARACTERISTICS AND CONTENT****Biryukov Valery**

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: bvvkrimlavd@mail.ru

There are three fundamentals of any doctrine – its terminology, concepts and classification. Therefore, the author touches upon the definition of registration information, reveals its content and its relation with other types of information that could be used in investigation of crimes.

Key words: information support of investigation of crime, forensically important information, registration information, basic accounting unit, file, database, database records, information system, factual information system

Осознанная деятельность человека базируется на информации, лежащей в основе его навыков, теоретических и эмпирических знаний, методов, методик и технологий, которыми он владеет. Только обладая достаточной и достоверной информацией, он может достичь любых целей, решить любые задачи.

Происшедшая в последние десятилетия информатизация общества отразилась на развитии и совершенствовании научных знаний, важными составляющими которых являются терминология, понятийный аппарат и классификации. Содержательная часть многих дефиниций – термин «информация», который сегодня используется практически в каждой отрасли знаний. Не стала исключением и криминалистика, в которой оперируют такими понятиями, как «криминальная», «криминалистическая», «криминалистически значимая», «доказательственная», «ориентирующая», «потенциальная информация» и др. Все они состоят из двух слов: одно из них общее – «информация», другое обычно указывает на ее значение или предназначение. В каждой отрасли знаний или сфере человеческой деятельности для решения предметных задач используют не всю информацию о том или ином объекте, а лишь нужную для достижения поставленной цели. И именно та составляющая термина, которая

указывает на значение или предназначение информации, как правило, ограничивает ее объем и содержание, выделяя только актуальное, необходимое. Информация – это прежде всего совокупность сведений об объектах или фактах. Ее объем и качественная сторона всегда зависят от целей познания и задач, для решения которых ее предполагается задействовать.

Одним из таких терминов в криминалистическом учении о применении учетно-регистрационных данных в расследовании преступлений является «регистрационная информация». Он встречается в трудах Р. С. и А. Р. Белкиных, В. А. Образцова, В. В. Тищенко, Р. А. Усманова, С. А. Ялышева и др.

Впервые же определение понятия дал С. А. Ялышев: «...Регистрационной информацией можно назвать выявленные, собранные и представленные в регистрационные органы фактические данные или сведения, которые находятся в прямой или опосредованной причинно-следственной связи с событием преступления, а также другую ориентирующую информацию, необходимую и достаточную для информационного криминалистического обеспечения процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»¹. Характеризуя регистрационную информацию, он отмечает, что «по своему объему, качеству и достоверности регистрационная информация значительно беднее и недостовернее, чем криминалистически значимая информация»². Точку зрения С. А. Ялышева разделяет и Р. А. Усманов, который говорит: «По своему качеству и полноте она значительно беднее, нежели функциональная (используемая непосредственно в процессе раскрытия и расследования) информация. Это обусловлено тем, что на разных этапах, связанных с ее выявлением, сбором, формализацией и представлением происходит частичная утрата и искажение тех или иных сведений»³.

Основываясь на сказанном, можно прийти к неутешительному выводу о том, что регистрационная информация обладает такими свойствами, как малая достоверность и недостаточность, более того, она противопоставляется криминалистически значимой информации. В связи с этим возникают вопросы: зачем нужна информационная система, причем такая специальная, как криминалистическая, в которую включаются не только недостоверные данные, но и сведения, не имеющие криминалистического значения; есть ли смысл помещать в базы данных информацию с невысокой степенью достоверности; какие задачи можно решить, опираясь на такую информацию?

Отметим, что понятия «регистрационная информация» и «криминалистически значимая информация» – результат разных классификаций. Причем содержание регистрируемых данных об объектах учета непосредственно зависит от целей и задач, которые предполагается разрешать, опираясь на массивы конкретной информационной системы. Криминалистическое значение могут приобрести сведения не только из криминалистических, но и иных учетов, а также любая информация, необходимая для установления истины по делу. Таким образом, в определенных условиях регистрационная информация может быть вовлечена в процесс расследования и приобрести конкретное криминалистическое значение. При этом одни и те же данные в разных ситуациях могут выступать в качестве доказательств, ориентировать либо выполнять иные функции.

¹ Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы: учеб. пособие. М., 1998. С. 61.

² Там же. С. 60.

³ Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования: учеб. пособие. М., 2006. С. 48.

А. Е. Корниенко, говоря об использовании в расследовании информации, содержащейся в информационных системах МВД, справедливо отмечает: «В ряде случаев деяния лиц, которые совершили общественно опасные деяния, могут быть квалифицированы как преступление лишь при условиях наличия соответствующих данных, которые содержатся в учете и учетной документации»¹. Разумеется, опираясь на малодостоверную и недостаточную информацию, решать такие вопросы просто невозможно.

Личный опыт исследовательской деятельности и практической работы в оперативных и экспертных подразделениях МВД позволил нам констатировать следующее: значительная часть криминалистических информационных систем включает информацию, которая взята из материалов уголовных дел и производна от доказательств. При этом в базы данных конкретных учетов помещается не вся информация об объектах, содержащаяся в материалах дела, а лишь тот ее минимум, который необходим и достаточен для решения одной из частных задач расследования. Например, в основную учетную единицу (электронную или обычную карточку) дактилоскопического учета следов рук с мест нераскрытых преступлений помещаются фотокопии следов – основная информация о строении узора, а также регистрируются сведения о месте их обнаружения, о производстве экспертизы на их пригодность для идентификации, номер уголовного дела и другие данные, по которым можно найти первичные документы. При этом учетные документы, по сути, выступают в качестве производных по отношению к протоколам и иным документам уголовного дела.

Так как главная задача учета следов пальцев рук, обнаруженных на месте преступлений, – создание условий для идентификации лиц, их оставивших, то объем размещаемой в них информации достаточен для решения указанной задачи.

Р. С. Белкин, С. А. Ялышев и Р. А. Усманов обратили внимание на особую актуальность вопроса о возможности использования информации из криминалистических учетов в качестве доказательств. Отметим, что доказательством может быть любая отвечающая предъявляемым к ним требованиям информация, в том числе содержащаяся в различных информационных системах. Такая информация может быть извлечена из любых источников: скопирована с носителей, изъята из них в ходе осмотра, обыска, выемки и других следственных действий или получена в виде официальных ответов на официальные запросы. Вопросы же о достоверности, достаточности и относимости разрешаются с учетом конкретных задач при ее оценке.

А. Р. Белкин утверждает, что регистрационная информация «...по своей природе неоднородна. В тех случаях, когда ее носителями выступают объекты, причинно связанные с преступлением (например, следы пальцев рук, изъятые с места происшествия, стреляные гильзы, пули, извлеченные из тела трупа, и т. п.), эта информация становится потенциально доказательственной. Во всех остальных случаях информация носит потенциально ориентирующий характер»². О том же писал Р. С. Белкин³.

Действительно, регистрационная информация неоднородна: она относится как непосредственно к объектам учета, так и к различным действиям, связанным с их выявлением, и пр. Так, говоря о следах рук, о пулях и гильзах, следует указать, что они являются носителями свойств объектов, их оставивших. Информация же о данных объектах появится в процессе работы с ними человека (следователя, эксперта,

¹ Корниенко А. Е. Российские и международные криминалистические учеты. СПб., 2004. С. 38.

² Белкин А. Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М., 1999. С. 323.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 172.

специалиста). Результаты такого познания, как правило, отображаются в заключениях проведенных экспертиз. Когда возникает необходимость использования возможностей криминалистических информационных систем для розыска и обнаружения различных объектов, то информация о них отображается в соответствующих учетах. Причем носителями регистрационной информации выступают не объекты учета, а учетные единицы данных систем. Хотя законодатель прямо не указывает на них как на источники доказательств, но если информация из них будет истребована с соблюдением норм УПК РФ, она станет доказательством.

Достаточно четкое и краткое определение регистрационной информации дают В. А. Образцов и В. В. Тищенко, отмечая, что это информация, «...которая содержится в информационно-регистрационных системах»¹. Таким образом, регистрационная информация есть совокупность сведений об объектах, которые отображаются в учетных единицах определенных информационных систем (в записях баз данных автоматизированных информационных систем, карточках массивов картотек и др.) и создают условия для идентификации объекта и решения других задач, стоящих перед учетом. Информация должна отвечать требованиям достоверности и достаточности. Она может быть использована для выполнения задач, не связанных с целями создания и функционирования конкретной информационной системы. Так, для установления местонахождения определенного человека в определенное время можно воспользоваться услугами оператора мобильной связи, данными систем учета рабочего времени и т. д., а расследование экономических преступлений невозможно без материалов бухгалтерских учетов. И ни один из указанных учетов не создавался с целью содействия раскрытию преступлений. Отметим, что термины «назначение» («предназначение») и «значение» информации имеют разное содержание, хотя оба являются составляющими ее полезности. Если «предназначение» направляет наши усилия на сбор информации, которая может быть использована в будущем для решения задач, стоящих перед информационной системой, то «значение» относится преимущественно к настоящему. Например, главным предназначением криминалистических учетов является содействие расследованию преступлений. При этом криминалистическое значение может иметь не только та информация, цель которой – создание условий для их разрешения, но и любая другая, которая в определенных ситуациях этому способствует, независимо от ее происхождения и первичного предназначения.

Изложенное позволяет полагать, что основное назначение любого учета – создание условий для установления конкретных объектов или фактов, для предоставления пользователю достоверной информации о них, достаточной для решения конкретных задач. Это и предопределяет содержание их массивов, соответствующие формы, методы и носители для регистрации (фиксации) информации. Недостоверная и недостаточная информация может привести лишь к одному – к принятию необоснованных, ошибочных решений.

В каждую конкретную информационную систему помещается не вся информация об объекте учета, да это и невозможно и бессмысленно. Ее объем ограничивается рамками разумной достаточности для решения задач, которые стоят перед конкретной системой. Отметим, что информация об объектах нередко рассеивается по учетам, имеющим различное назначение и ведомственную принадлежность. Именно это обстоятельство и дает возможность следователю использовать для установления определенных обстоятельств и объектов данные из информационных систем, у ко-

¹ Криминалистика: учеб. / под ред. В. А. Образцова. М., 1999. С. 82; Тищенко В. В. Теоретические и практические основы расследования преступлений: моногр. Одесса, 2007. С. 104.

торых нет ничего общего ни с криминалистикой, ни с правоохранительной деятельностью.

В фактографических информационных системах информация об объекте структурирована и представлена фрагментарно (изображения, записи и др.), но от этого она не становится беднее. Она достоверна и достаточна для решения задач, стоящих перед конкретным учетом.

Принимая во внимание сказанное выше, предлагаем следующее определение понятия регистрационной информации: *регистрационная информация – это информация, достоверная и достаточная для решения задач, predeterminedных целью образования конкретной информационной системы об объектах регистрации, зафиксированная определенным способом на соответствующих носителях.*

Такую информацию о каждом объекте можно разделить на две группы. Одна предназначена для создания условий для идентификации объекта, другая – это информация об объекте, его истории и т. д. Идентификация объекта регистрации – обязательная операция для получения информации, относящейся к нему.

Предложенное понятие регистрационной информации может стать базовым для формулирования понятий регистрационной информации относительно низшего уровня (например, криминалистической регистрационной информации для идентификации объектов по их признакам и др.).

Основное назначение регистрационной информации – создание условий для решения задач, способствовать выполнению которых и предназначена определенная информационная система. Криминалистическое значение может приобрести информация, которая составляет информационные массивы любых информационных систем, независимо от их назначения и ведомственной принадлежности. В качестве доказательств может выступать лишь информация, отвечающая требованиям, предъявляемым к ним законом.

Библиография

Белкин А. Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М., 1999.

Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.

Корниенко А. Е. Российские и международные криминалистические учеты. СПб., 2004.

Криминалистика: учеб. / под ред. В. А. Образцова. М., 1999.

Тищенко В. В. Теоретические и практические основы расследования преступлений: моногр. Одесса, 2007.

Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования: учеб. пособие. М., 2006.

Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы: учеб. пособие. М., 1998.

Bibliography

Belkin A. R. Teoriya dokazyvaniya: nauch.-metod. posobie. M., 1999.

Belkin R. S. Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. Obshhaya i chastnye teorii. M., 1987.

Kornienko A. E. Rossijskie i mezhdunarodnye kriminalisticheskie uchety. SPb., 2004.

Kriminalistika: ucheb. / pod red. V. A. Obratcova. M., 1999.

Tishhenko V. V. Teoreticheskie i prakticheskie osnovy rassledovaniya prestuplenij: monogr. Odessa, 2007.

Usmanov R. A. Informacionnye osnovy predvaritel'nogo rassledovaniya: ucheb. posobie. M., 2006.

Yalyshev S. A. Kriminalisticheskaya registraciya: problemy, tendencii, perspektivy: ucheb. posobie. M., 1998.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АЛГОРИТМОВ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

Нелюбин Константин Александрович

Аспирант кафедры криминалистики

Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),

e-mail: nelyubin.82@mail.ru

Рассматриваются вопросы преодоления проблемных следственных ситуаций по делам об убийствах. С учетом того что наличие значимой связи между преступником и жертвой является решающим фактором для раскрытия убийств (в 70,9 % рассмотренных дел), следственные ситуации классифицированы автором на две группы: ситуации с наличием связи между преступником и его жертвой и ситуации без данной связи. Обоснована практическая значимость такой классификации. Приведены примеры уголовных дел по обвинению в убийстве, раскрытых с использованием криминалистических алгоритмов.

Ключевые слова: проблемные следственные ситуации, криминалистические алгоритмы, раскрытие уголовных дел

RESOLUTION OF THE INVESTIGATIVE PROBLEMATIC SITUATIONS IN CASES OF MURDERS USING THE FORENSIC ALGORITHMS

Nelyubin Konstantin

Urals Law State University (Yekaterinburg),

e-mail: nelyubin.82@mail.ru

The article discusses resolution of the investigative problematic situations in cases of murders. Since a close relationship between the perpetrator and victim of crime is a decisive factor for disclosure of murders (for 70,9 % of the investigated cases), the author divides investigative situations into two groups: the situations with a relationship between the perpetrator and victim of crime and the situations without it. Practical importance of this classification is substantiated. There are some examples of criminal cases of murders, disclosed using the forensic algorithms.

Key words: problematic investigative situations, forensic algorithms, disclosure of crimes

Проблемные следственные ситуации серьезно препятствуют расследованию убийств и характеризуются семантической неопределенностью, обусловленной двумя находящимися в диалектическом противоречии компонентами: совокупностью неполных, недостаточных знаний и неизвестностью искомого¹.

В проблемных ситуациях неизвестным выступает личность преступника. Обще-признанно, что основным методом их разрешения является следственная версия²,

¹ Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 9–10.

² Драпкин Л. Я. Ситуационный подход в криминалистике: теоретический и практические аспекты // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2015. С. 12; Лубин А. Ф. Ситуационно-логическая структура частной методики расследования преступлений отдельных видов // Там же. С. 48; Протасевич А. А., Гайков Д. Г. Особенности выдвижения и проверки версий по делам о насильственных сексуальных преступлениях, совершаемых несовершеннолетними // Там же. С. 211;

которая состоит из фактической и теоретической базы¹. По мнению Д. В. Бахтеева, теоретическая база следственной версии представляет собой тезаурус следователя, из которого он извлекает дополнительную информацию, выступающую основанием для выдвижения перспективной версии².

Полагаем, что при выдвижении следственной версии важна не только ее теоретическая база, но и реляционная база данных, сформированная на основе криминалистической характеристики убийств. Обращаясь к ней, следователь, исходя из фактической базы, сможет проанализировать сложившуюся следственную ситуацию и выдвинуть типичные версии: о наличии и характере связи между преступником и потерпевшим; действиях преступника до совершения преступления и после него, его местонахождении; типичных источниках информации о личности убийцы.

Каждой такой типичной версии соответствует криминалистический алгоритм установления личности преступника, например:

версия о том, что преступник входит в круг связей потерпевшего, → алгоритм установления личности преступника путем исследования связей потерпевшего;

версия о том, что одно из лиц, находившихся в районе совершения убийства, причастно к его совершению, → алгоритм установления личности преступника по его передвижениям;

версия о том, что до или после убийства преступник посещал близлежащий магазин (киоск, павильон и т. п.) для приобретения алкоголя, → алгоритм установления личности преступника в связи с употреблением алкоголя;

версия о том, что лицо, которое произвело сбыт похищенного у жертвы имущества или пользуется им, причастно к убийству, → алгоритм установления личности преступника в связи с пользованием и (или) хранением похищенного имущества;

версия о том, что до или после убийства преступник совершил иное преступление или правонарушение, → алгоритм установления личности преступника в связи с совершением им других преступлений и правонарушений.

Наличие связи между жертвой и убийцей является ключевым фактором для разрешения проблемной следственной ситуации, поскольку таковая в том или ином виде присутствует в 70,9 % исследованных нами уголовных дел по обвинению в убийстве (всего – 331). Поэтому в каждой ситуации прежде всего необходимо определить, имеется ли связь между преступником и жертвой. Если имеется, то разрешение проблемной следственной ситуации можно свести к алгоритму установления преступника путем исследования связей жертвы. Если нет, то потребуются другие алгоритмы.

Таким образом, реализация криминалистической программы установления личности преступника, совершившего убийство, всегда должна начинаться с анализа и моделирования следственной ситуации. Если на этом этапе следователь не попытается ответить на все вопросы, касающиеся фактической базы преступления, он не получит полноценного представления о такой ситуации и попытки ее преодолеть будут безрезультатны. Несущественных вопросов на данном этапе не бывает. Именно в этом и состоит суть алгоритмизации и программирования деятельности по расследованию преступлений: нельзя приступать к разрешению следственной си-

Шефер В. А. Использование ситуационного подхода для выдвижения версий о неизвестном преступнике при осмотре места происшествия // Там же. С. 237.

¹ Дранкин Л. Я. Ситуационный подход в криминалистике: теоретический и практические аспекты.

² Бахтеев Д. В. Ситуационный подход к проблеме случайного поиска в криминалистике // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. С. 101.

туации, не разобравшись в ней, нельзя переходить к следующему блоку программы, не завершив предыдущий.

Кроме того, в преодолении проблемной следственной ситуации огромное значение отведено субъективному фактору: успешное ее разрешение во многом зависит от тех возможностей установления личности преступника, которые обнаружил следователь. Как говорил Л. С. Выготский, «воспринимать вещи по-иному означает в то же самое время приобретать иные возможности действия по отношению к ним. Как на шахматной доске: иначе вижу, иначе играю»¹. Чем больше возможностей преодоления проблемной следственной ситуации видит следователь, тем проще она воспринимается, и наоборот, если следователь не видит возможностей установить личность преступника, она кажется слишком сложной, порой неразрешимой. Такое происходит, как правило, когда следователь не обнаруживает связи между жертвой и преступником. Однако даже если преступник постарается уничтожить все признаки взаимодействия с жертвой, сам факт их связи скрыть практически невозможно. Приведем пример.

4 января 2013 г. около 10 ч вечера С. совершил убийство своего знакомого Л. в его квартире. Данное преступление С. спланировал заранее, попытавшись устранить любые возможности установления своей причастности к совершенному преступлению: не связывался с Л. по мобильной связи, пришел к нему без приглашения, т. е. не оставил информации о своем визите, которую Л. мог бы сообщить кому-либо; уничтожил следы своего пребывания на месте убийства, для чего стер следы своих рук (в ходе осмотра места происшествия они действительно не были обнаружены), а также унес из квартиры орудие убийства – нож – и иные вещи, которые держал в руках во время общения с Л., и выбросил их; забрал из квартиры Л. дорогостоящий ноутбук, который впоследствии оставил на улице с тем, чтобы его нашли случайные прохожие и воспользовались им. Тем самым С. инсценировал видимость похищения имущества, что заставило бы следствие проверять посторонних лиц на причастность к совершенному преступлению. В день совершения преступления С. вообще не пользовался мобильной связью, чтобы невозможно было проследить его передвижения по соединениям абонентского номера. С этой целью он, покидая место преступления, вызвал такси с телефона сотрудника кафе, находящегося неподалеку. Кроме того, С. создал себе алиби, поставив входной штамп одного из ночных клубов, куда отправился после совершения преступления.

Тем не менее С. и его жертва были связаны: оба были последователями индийского религиозного учения. После анализа ситуации следствие приступило к поиску преступника именно среди связей Л. по его увлечению религией. Вскоре была установлена личность С., который после опроса с использованием полиграфа сознался в совершенном убийстве².

Важно, что каждая возможность применить тот или иной алгоритм и раскрыть преступление определяется принципом «Все или ничего», так как в конкретной следственной ситуации для установления личности убийцы достаточно всего одного алгоритма, даже если вероятность его реализации не будет превышать 11,1 %. Главное, чтобы следователь видел эту возможность и использовал ее.

¹ Выготский Л. С. Психология развития человека. Мышление и речь. М., 2004. С. 878.

² Уголовное дело № 130030012 по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

Так, 11 марта 2009 г. около 5 ч утра на тротуаре был найден труп неизвестного мужчины 40–50 лет с 16 колото-резаными ранами в области груди, спины, лица, рук. В 40 м от места обнаружения трупа находился круглосуточный киоск, оборудованный системой видеонаблюдения. В ходе просмотра записи было установлено, что до обнаружения трупа в киоск заходили двое молодых людей и приобрели спиртное. После безуспешных попыток выяснить информацию о месте пребывания данных лиц путем опросов граждан, находящихся в районе обнаружения трупа, члены следственно-оперативной группы вернулись в отдел милиции, где и нашли молодых людей в камере административно задержанных. Они были доставлены туда нарядом ППСМ в связи с алкогольным опьянением. Выяснилось, что убийство совершил один из молодых людей, встретив будущую жертву по пути в киоск. За спиртное мужчины расплатились похищенными у убитого деньгами. Преступление было раскрыто в течение суток – еще до установления личности потерпевшего, хотя никаких следов на месте убийства преступники не оставили и никакой связи с жертвой не имели¹.

2 мая 2014 г. около половины десятого утра в продуктовом магазине был обнаружен труп продавца со множественными колото-резаными повреждениями в области спины, шеи и груди. В кассовом аппарате магазина остался чек с указанием стоимости ряда продуктов, но без их наименований. Предположив, что нападение произошло в момент приобретения данных продуктов, члены следственно-оперативной группы пригласили представителя магазина, который предоставил сведения о товарах, продававшихся по соответствующим ценам. Таким образом, была разработана модель событий, непосредственно предшествовавших нападению. Большинство продуктов, значащихся в чеке, в том числе бутылка минеральной воды «Обуховская», были найдены в магазине. На бутылке имелся след пальца руки ранее судимого наркомана П., в последнее время проживавшего у своего товарища – наркомана Б. В ходе оперативных мероприятий П. был задержан в квартире Б., однако хозяин квартиры незадолго до этого ушел покупать очередную дозу наркотика и не вернулся. При работе с П., отрицавшим свою причастность к убийству, следствие пришло к выводу о том, что к преступлению может иметь отношение и Б. Среди прочего было решено проверить, не находится ли он в камере административно задержанных того отдела полиции, в который входила следственно-оперативная группа. Догадка оказалась верной: Б. был доставлен в полицию сотрудниками ППСП по заявке о неадекватном поведении (при себе имел 1 г героина). Ошеломленный внезапным задержанием по подозрению в убийстве, Б. сразу же сознался в совершенном преступлении и подробно рассказал о его обстоятельствах².

Итак, внезапность и полная неожиданность задержания по подозрению в убийстве преступников, еще находящихся в состоянии опьянения, помогла в обоих случаях управлять их поведением и склонить их к сотрудничеству со следствием.

С учетом сказанного следственные ситуации по делам об убийствах можно разделить на два больших класса: ситуации с наличием связи между преступником и его жертвой (*ситуации «со связью»*) и ситуации с отсутствием таковой (*ситуации «без*

¹ Уголовное дело № 52805 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

² Уголовное дело № 140365013 по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного п. «з», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

связи»). Разрешение проблемной ситуации «со связью», как мы упомянули, всегда можно свести к применению алгоритма исследования связей жертвы. Важно точно идентифицировать эту ситуацию, когда преступник придает ей вид ситуации «без связи»: перевозит или переносит труп из жилища в иное место, инсценирует внезапное нападение на жертву, хищение имущества жертвы, ее безвестное исчезновение и т. п.

Таким образом, ситуационный подход при расследовании преступлений, с одной стороны, и программирование и алгоритмизация расследования – с другой, дополняют и обогащают друг друга. Анализ и моделирование следственной ситуации являются обязательным блоком программы расследования убийства, определяющим выбор тех или иных алгоритмов установления личности преступника.

Библиография

Бахтеев Д. В. Ситуационный подход к проблеме случайного поиска в криминалистике // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2015.

Выготский Л. С. Психология развития человека. Мышление и речь. М., 2004.

Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

Драпкин Л. Я. Ситуационный подход в криминалистике: теоретический и практические аспекты // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2015.

Лубин А. Ф. Ситуационно-логическая структура частной методики расследования преступлений отдельных видов // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2015.

Протасевич А. А., Гайков Д. Г. Особенности выдвижения и проверки версий по делам о насильственных сексуальных преступлениях, совершаемых несовершеннолетними // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2015.

Уголовное дело № 130030012 по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

Уголовное дело № 140365013 по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного п. «з», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

Уголовное дело № 52805 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области.

Шефер В. А. Использование ситуационного подхода для выдвижения версий о неизвестном преступнике при осмотре места происшествия // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2015.

Bibliography

Baxteev D. V. Situacionnyj podxod k probleme sluchajного поиска v kriminalistike // Razvitie situacionного podxoda v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki. Ekaterinburg, 2015.

Drapkin L. Ya. Osnovy teorii sledstvennyx situacij. Sverdlovsk, 1987.

Drapkin L. Ya. Situacionnyj podxod v kriminalistike: teoreticheskij i prakticheskie aspekty // Razvitie situacionного podxoda v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki. Ekaterinburg, 2015.

Lubin A. F. Situacionno-logicheskaya struktura chastnoj metodiki rassledovaniya prestuplenij otdel'nyx vidov // Razvitie situacionного podxoda v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki. Ekaterinburg, 2015.

Protasevich A. A., Gajkov D. G. Osobennosti vydvizheniya i proverki versij po delam o nasil'stvennyx seksual'nyx prestupleniyax, sovershaemyx nesovershennoletnimi // Razvitie situacionного podxoda v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki. Ekaterinburg, 2015.

Shefer V. A. Ispol'zovanie situacionnogo podxoda dlya vydvizheniya versij o neizvestnom prestupnike pri osmotre mesta proisshestviya // Razvitie situacionnogo podxoda v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki. Ekaterinburg, 2015.

Ugolovnoe delo № 130030012 po obvineniyu S. v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 105 UK RF // Arxiv otдела kriminalistiki Sledstvennogo upravleniya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Sverdlovskoj oblasti.

Ugolovnoe delo № 140365013 po obvineniyu B. v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo p. «z», «zh» ch. 2 st. 105 UK RF // Arxiv otдела kriminalistiki Sledstvennogo upravleniya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Sverdlovskoj oblasti.

Ugolovnoe delo № 52805 po obvineniyu M. v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 105 UK RF // Arxiv otдела kriminalistiki Sledstvennogo upravleniya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Sverdlovskoj oblasti.

Vygotskij L. S. Psixologiya razvitiya cheloveka. Myshlenie i rech'. M., 2004.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(«ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ-2015»):
ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ****Бодрова Эльвира Эдуардовна**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: elay09@yandex.ru

Костогрызов Павел Игоревич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: pkostogryzov@yandex.ru

**URGENT PROBLEMS OF PARLIAMENTARISM:
THE PAST AND THE PRESENT
(«TAURIDE PALACE READINGS-2015»):
A REVIEW OF THE CONFERENCE****Bodrova Ehlvira**

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: elay09@yandex.ru

Kostogryzov Pavel

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: pkostogryzov@yandex.ru

В декабре 2015 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга, где в 1906–1917 гг. работала Государственная дума Российской империи, в 1918 г. заседало Учредительное собрание, а сегодня располагается Межпарламентская Ассамблея стран-участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ), прошла международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения-2015»).

Конференция, на которую российские и иностранные ученые ежегодно собираются для обсуждения различных вопросов, связанных со статусом представительных органов в России и других странах, была организована Центром истории парламентаризма. Она началась в историческом Думском зале с приветствия Генерального секретаря Совета МПА СНГ – руководителя Секретариата Совета МПА СНГ А. И. Сергеева. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ третьего и шестого созывов Н. Н. Иванов поделился с участниками конференции личным опытом работы в законодательном органе. Старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки (РНБ) И. Г. Матвеева познакомила гостей с эксклюзивной информацией о книгах из библиотеки Государственной думы Российской империи, хранящихся в РНБ.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (РАН) *И. В. Лукоянов* представил доклад «Революция 1905 г. и учреждение Булыгинской думы», где раскрыл неоднозначную природу тех событий, под влиянием которых идея возрождения Земского собора, предлагавшаяся представителями правых придворных кругов, трансформировалась в проект учреждения законосовещательного представительного органа. Докладчик пришел к выводу, что учреждение народного представительства было связано не с массовыми выступлениями рабочих, а с движением интеллигенции. Содержание же уступок определялось не накалом борьбы с революционерами, а сложным балансом сил и интересов. Переломным моментом в судьбе Думы стало избрание дворянством умеренно либеральной позиции. Попытки правых сохранить неограниченное самодержавие не получили поддержки у думцев.

Доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета *О. А. Патрикеева* выступила с докладом «Повседневная жизнь Государственной думы Российской империи в дневниках и письмах сотрудницы газеты „Новое время“ С. И. Смирновой-Сазоновой», продемонстрировав особенности и преимущества таких неоднозначных и субъективных исторических источников, как письма и дневники.

С. К. Зиновьев-Фицлайон

Традицией чтений стало участие в них потомков председателей и членов Государственной думы. Так, на пленарном заседании выступил почетный консул Австралии в Санкт-Петербурге *С. К. Зиновьев-Фицлайон*: он рассказал о жизненном пути своего деда – члена фракции «Союза 17 октября» и Прогрессивного блока, депутата IV Государственной думы Российской империи *Л. А. Зиновьева*.

Оживленную дискуссию вызвал доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, члена научно-методического совета Центра истории парламентаризма *С. В. Куликова* на тему «Создание Государственной думы Российской империи: революция сверху или снизу?» Полемика развернулась вокруг основной идеи автора: Дума была учреждена не одномоментно, а в результате длительного процесса, начавшегося после воцарения Николая II и закончившегося с изданием новых Основных государственных законов (23 апреля 1906 г.) и нового избирательного закона (3 июня 1907 г.), а главная предпосылка создания Думы заключалась в том, что в то время престол занимал Николай II, чье политическое мировоззрение было отмечено печатью консервативного либерализма.

В первый день работы конференции состоялось заседание секции «Парламент и общество». Доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета *И. В. Омельяничук* предложил к обсуждению доклад «Консервативный лагерь и идея воссоздания Земского собора в начале XX века». Он обратил внимание

присутствующих на идею возрождения Земского собора, которую поддержали представители ряда политических партий. Сторонники этой идеи подготовили проекты реформирования представительных органов. Автор сделал акцент на месте земских соборов в идеологии консервативных кругов, приверженцы которых рассчитывали с их помощью смягчить модернизационные конфликты. Споры так и остались идеологическими, единства не было даже среди представителей монархических партий. И. В. Омелянчук доказал, что земские соборы нельзя считать тождественными учредительным собраниям.

Кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива *Г. Ю. Афанасьев* в докладе «Экосоциальная проблематика в деятельности Государственной думы Российской империи (1906–1917 гг.)» остановился на возникшей перед Государственной думой третьего и четвертого созывов необходимости регулирования всего комплекса эко-социальных проблем. Докладчик воссоздал деятельность профильных специальных и постоянных комиссий, в которых вырабатывались механизмы разрешения подобных проблем как на внутрипарламентском, так и на межведомственном уровне. Однако в силу политических реалий тех лет думцы при обращении к эко-социальным вопросам следовали не общественным или государственным интересам, а исключительно узкополитическим или даже партийным.

Доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена *А. А. Иванов* предложил вниманию аудитории доклад, посвященный неоднозначному лозунгу «Россия для русских», зародившемуся еще в 60-х гг. XIX в. Он охарактеризовал оживленную дискуссию среди депутатов Государственной думы (1906–1916 гг.) по поводу этого девиза, его трактовки представителями депутатских фракций и критику. В ходе работы Думы всех четырех созывов свое отношение к лозунгу так или иначе высказали многие депутаты. Докладчик показал неоднозначность его содержания, которое могло меняться в зависимости от трактовок, данных ему сторонниками различных политических течений. Характерно, что при обсуждении этого вопроса кадеты выступили с социал-демократами единым лагерем.

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина *А. И. Минаев* свое сообщение посвятил институтам британского парламентаризма и «моделированию» отечественного представительства в начале XX в. Исследователь представил широкий спектр взглядов российских либералов на исторический опыт британского парламентаризма и его применимость для выработки отечественной модели представительства. Под влиянием социально-экономических и политических процессов либеральная политическая мысль России начала XX в. содействовала переводу дискуссий о парламентаризме в практическое русло.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и стран ближнего зарубежья Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета *Д. М. Усманова* в докладе «Государственная дума и отечественная пресса: к вопросу о „медиализации“ работы российского парламента» изложила непростую историю взаимоотношений думских корреспондентов с депутатами, а также осветила важный сюжет взаимодействия думской канцелярии и цензурных структур, подчеркнув ориентацию прессы на общественный запрос.

Большинство выступлений участников секции «Европейский парламентаризм» было посвящено истории британского парламента, что неудивительно в силу как богатства парламентских традиций этой страны, считающихся эталонными, так и того, что 2015 г. был ознаменован 800-летним юбилеем Великой хартии вольностей. Доктор исторических наук, профессор Самарского филиала Московского городского педагогического университета *С. Б. Семенов* в докладе «Только парламент знает свои привилегии» напомнил о становлении института депутатской неприкосновенности; доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН *Т. Л. Лабутина* рассказала о взглядах английских просветителей на то, каким должен быть «идеальный» парламент; доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета *С. И. Бугаев*, кандидат исторических наук, доцент Рязанского государственного университета *М. В. Жолудов* и кандидат исторических наук, независимый исследователь *Е. О. Науменкова* затронули различные аспекты формирования британского парламентаризма в XIX – начале XX в. Кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета *Л. М. Аржакова* посвятила доклад отражению истории польского сейма в русской полонистике XIX в.

Заседание секции «Европейский парламентаризм»

На секции «Думское источниковедение» выступили доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики и международных экономических отношений Казанского (Поволжского) федерального университета *Р. А. Циунчук*, который рассказал о воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского) как источнике изучения политических и этноконфессиональных отношений периода Государственной думы первых двух созывов; доктор исторических наук, заведующий кафедрой Восточной Европы Института истории и международных отношений Варминско-Мазуринского университета (Ольштын, Польша) *Р. Я. Юрковский*, который проанализировал воспоминания польских депутатов Государственной думы и Государственного

совета об аудиенциях у Николая II. Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета *П. И. Костогрызов* в докладе, посвященном проблеме разделения властей в Основных законах Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г., продемонстрировал противоречивость понимания российскими юристами начала XX в. одного из базовых принципов обновленного государственного строя. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета *А. Н. Мичурин* в опоре на переписку председателя Государственного совета *А. Н. Куломзина* с женой показал перипетии политической борьбы внутри Государственного совета во время кризиса лета 1915 г.

Второй день конференции был открыт докладом доктора исторических наук, декана историко-политологического факультета, заведующего кафедрой новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета *И. К. Кирьянова* на тему «Парламентская субэлита в позднеимперской России: подходы к изучению». Доклад вызвал неоднозначные оценки присутствующих. Все согласились с тем, что в Российском государстве произошло несколько смен элит, в частности к началу работы Государственной думы их было две: в 1682–1714 гг. и в 1762–1825 гг. Однако вопрос о приравнивании депутатов, обладающих формальным парламентским статусом, к политической элите привел к горячим спорам участников конференции, ибо элиты разных эпох формировались по разным признакам и механизмы складывания этих признаков были неодинаковы. Политическая элита начала XX в. отличалась помимо прочего тем, что была наделена определенными властными полномочиями. Докладчик выделил так называемую субэлиту, подразумевая под ней ту часть депутатского корпуса, которая принимала решения или влияла на принятие решений во фракциях и комиссиях. В период работы Думы произошла не смена элиты, а ее расширение. Участники дискуссии сочли возможным выделить кроме парламентской субэлиты еще и бюрократическую, т. е. тех, кто готовил тексты правительственных деклараций, докладов, мнений и т. п.

И. К. Кирьянов

Работа секции «Деятельность Государственной думы Российской империи первого – третьего созывов» началась с выступления доктора исторических наук, профессора кафедры философии и истории Московского государственного индустриального университета *В. А. Демина*, который продемонстрировал противоречивые результаты деятельности октябристов в Думе третьего созыва. Фракция «Союза 17 октября» достигла заметных успехов в III Думе, однако закрепить их не смогла в силу недостаточно планомерной работы и личных разногласий. Докладчик остановился и на соотношении объективных и субъективных причин неудач значительной части думских реформ и провала фракции в IV Думе.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН *К. А. Соловьев* в своем докладе обрисовал «смещение центра тяжести» в составе III Государственной думы в сторону октябристов, которые составляли непропорционально большую долю среди наиболее активных народных избранников. Было установлено господство думского центра, не подкрепленное, однако, абсолютным численным превосходством. Ситуация усугублялась доминированием во фракции левого крыла. Все это, по мнению *К. А. Соловьева*, служило причиной перманентной нестабильности в Думе. К наиболее дискуссионным докладчик отнес вопрос о выстраивании отношений «работоспособного ядра» представительного учреждения и думского большинства, а также вопрос о дисциплинарных взысканиях, применяемых в Думе.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета *Э. Э. Бодрова* в докладе «Государственная дума Российской империи и профсоюзное движение: к предыстории социального диалога» раскрыла особенности работы думцев над законопроектами о свободе союзов, свободе собраний и праве на стачки. Стремление депутатов решить рабочий вопрос закончилось принятием пакета законов о страховании рабочих. Все остальные законопроекты оказались проектами намерений.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и археологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина *Д. В. Шукин* в докладе «Фракционное „око“ партии кадетов в Государственной думе третьего созыва: к вопросу о роли, месте и линии поведения» воссоздал характер и линию поведения фракции «Партия народной свободы», в которой главной миссией парламентского представительства стало разъяснение «непонимающему правительству» того, что оно «идет не туда, куда следует».

Секцию «Думская биография» открыл доклад «П. Н. Милюков и сербы» доктора наук, доцента Белградского университета *М. Ковича*, проанализировавшего причины враждебного отношения сербской общественности к болгарофилу П. Н. Милюкову. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета *В. Е. Кельнер* рассказал о думской деятельности члена ЦК партии кадетов *М. М. Винавера* и Союза полноправия евреев в России. Кандидаты исторических наук, доценты Института истории Санкт-Петербургского государственного университета *Е. А. Беседина* и *Т. В. Буркова* затронули важную проблему сохранения исторической памяти и бережного отношения к наследию прошлого. Докладчики выявили около 30 мемориальных досок, установленных в начале XXI в. в память о российских парламентариях начала XX в. Доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Приокского государственного университета *Д. В. Аронов* осветил малоизвестный эпизод, связанный с предьявлени-

ем Министерством народного просвещения требования дать подписку о неучастии в антиправительственных организациях к группе ведущих профессоров Московского университета, бывших членов I Государственной думы (С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев).

Заседание секции «Думская биография»

На секции «Актуальные проблемы развития парламентаризма в странах СНГ» был представлен среди прочих доклад кандидата исторических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета *Е. А. Тарасовой* на тему «Парламентская альтернатива правительственной программе реформирования экономики России в 1992–1993 гг.», посвященный недавним, но уже почти забытым спорам о пути реформирования отечественной экономики и напомнивший о том, что «шоковая терапия» не была единственно возможным стимулом экономического развития. Кандидат исторических наук, доцент Института политических исследований «Политическая сфера» *А. В. Курьянович* в докладе «А. Г. Лукашенко – депутат Верховного Совета Беларуси» рассказал о начальном этапе политической карьеры белорусского президента.

На конференции действовала молодежная секция, где аспиранты могли апробировать результаты своих научных изысканий.

Завершая обзор, отметим, что «Таврические чтения» давно стали крупнейшим и одним из авторитетнейших на постсоветском пространстве научным форумом по теории и истории парламентаризма. Ежегодный характер конференции дает возможность ученым, разрабатывающим эту проблематику, регулярно выносить на обсуждение коллег новые идеи и научные находки. Максимально широко сформулированная тема чтений позволяет рассмотреть все возможные ее аспекты, не ограничиваясь

географическими и временными рамками. В связи с этим обращает на себя внимание, что из 67 докладов, представленных на конференции в 2015 г., 55 были прямо или косвенно связаны с историей Государственной думы Российской империи. На наш взгляд, формат чтений предполагает вовлечение в дискуссию специалистов по гораздо более широкому кругу проблем парламентаризма. И «Таврические чтения», и наука в целом от этого только выиграют.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ ОБ ООН

19–20 ноября 2015 г. в Уральском государственном юридическом университете прошла серия научно-практических мероприятий в рамках Дней международного права. Одно из таких мероприятий – конкурс студенческих эссе «Интересные факты об ООН», посвященный 70-летию Юбилею Организации Объединенных Наций. Конкурс проводился в целях популяризации деятельности ООН, выявления и поощрения студентов, интересующихся международным правом. Из представленных работ конкурсная комиссия отобрала четыре наиболее интересных и нестандартных по содержанию эссе, которые публикуются ниже.

Ключевые слова: конкурс, ООН, международное право, защита прав человека

INTERESTING FACTS ABOUT THE UN

A number of scholarly events were held in the Urals State Law University in November 19–20, 2015, to mark the «International Law Days». One of these events was an essay competition for students dedicated to the 70th anniversary of the UN. The competition aimed at promoting the UN's activities, as well as at identifying and encouraging those students who are sincerely enthusiastic about international law. The competition committee selected four the most interesting and outstanding essays publishing below.

Key words: competition, United Nations, international law, human rights protection

ПОСЛАНЦЫ МИРА ООН

Пиликина Мария Геннадьевна

Студент Института государственного и международного права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: mp@usla.ru

Pilikina Maria

Urals State Law University (Yekaterinburg), e-mail: mp@usla.ru

Значимость вклада Организации Объединенных Наций в деятельность мирового сообщества в целях поддержания мира и безопасности не вызывает сомнений. На рубеже XX–XXI вв. ООН признавалась «наивысшим достижением мировой культуры во взаимоотношениях государств и наилучшим механизмом управления международными отношениями, объединяющим все государства и народы мира»¹. ООН – крупнейшая и, пожалуй, известнейшая международная организация. Возникает вопрос: что же приносит ей успех?

Безусловно, выделить какой-то единственный инструмент, который является ключом к успеху ООН, невозможно. Однако, с моей точки зрения, одним из таковых является институт Посланцев мира ООН. Это избранные выдающиеся деятели в области искусства, литературы, науки, музыки и спорта, которые способствуют привлечению внимания мировой общественности к работе ООН.

Данный институт существует с 1998 г.; Посланцы мира назначаются Генеральным секретарем на двухлетний срок.

¹ Олеандров В. Л. ООН и идеология мирового сообщества // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/oon-i-ideologiya-mirovogo-soobshchestva#ixzz3pUVDMbhk>.

Казалось бы, спектр кандидатур на данную «должность» крайне широк: среди Посланцев мира есть даже основоположница оригинального метода изучения жизни шимпанзе Джейн Гудолл. Однако интересно, что лидирующее положение по численности среди Посланцев мира ООН занимают музыканты. Так, из 12 действующих Посланцев область музыки представляют пять: пианист Лан Лан, дирижер и пианист Даниэль Баренбойм, виолончелист Йо-Йо Ма, скрипачка Мидори Гото и певец Стиви Уандер¹.

На первый взгляд, эта тенденция удивляет, ведь существует немало известных и талантливых людей, которые могут претендовать на звание Посланца мира ООН. Почему же именно музыканты? Чем руководствуется Генеральный секретарь ООН? Может быть, своим увлечением музыкой?

Дело в том, что сфера деятельности Посланца мира ООН не ограничивается профессией. Ознакомившись с биографиями каждого из названных музыкантов, можно обнаружить, что, помимо искусства, они посвятили свою жизнь поиску решений социальных и гуманитарных проблем. Так, Стиви Уандер, будучи слепым от рождения, не только является автором популярных песен (например, «I Just Called To Say I Love You»), но и «известен своей широкой благотворительной деятельностью и участием в работе таких организаций, как Комитет президента США по вопросам занятости для инвалидов, Фонд для детей-диабетиков и „Слепые дети Америки“»². В сферу его деятельности как Посланца мира ООН входит защита прав инвалидов. А, к примеру, Мидори Гото, которой поручено заниматься проблемами молодежи и целями развития, сформулированными в Декларации тысячелетия, в 1992 г. основала в Нью-Йорке программу «Мидори и друзья» – «некоммерческую организацию, которая ежегодно предоставляет возможность тысячам детей из неблагополучных семей участвовать в программах музыкального образования»³.

С моей точки зрения, создание института Посланцев мира ООН – продуманный шаг. Назначение в качестве Посланцев ООН выдающихся деятелей культуры и науки также обоснованно, поскольку в силу своей известности они вызывают интерес и к деятельности ООН в борьбе за мир. На примере изучения биографий музыкантов можно сделать вывод о том, что для назначения Посланцем мира ООН необходимо не только иметь серьезные достижения в сфере искусства, но и занимать активную жизненную позицию, посвящая себя поиску путей решения проблем мирового масштаба.

НЕЛЬСОН МАНДЕЛА И ООН

Гаркуша-Божко Сергей Юльевич

Студент юридического факультета

Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург),

e-mail: mp@usla.ru

Garkusha-Bozhko Sergey

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg), e-mail: mp@usla.ru

Знаете ли вы, что ежегодно 18 июля мировое сообщество отмечает День Нельсона Манделы? Если нет, неудивительно, ведь этот день стал праздником совсем недавно – только в 2013 г.

¹ Организация Объединенных Наций. Посланцы мира // URL: <http://outreach.un.org/mop/ru>.

² Организация Объединенных Наций. Посланцы мира. Стиви Уандер // URL: <http://outreach.un.org/mop/ru>.

³ Организация Объединенных Наций. Посланцы мира. Мидори Гото // URL: <http://outreach.un.org/mop/ru>.

Генеральная Ассамблея ООН объявила 18 июля Международным днем Нельсона Манделы в знак признания его огромного вклада в дело мира и свободы, ибо ценности, которые отстаивал этот человек, являются общечеловеческими.

В резолюции от 10 ноября 2009 г. № 64/13 Генеральная Ассамблея ООН подчеркнула важность проповедуемых Нельсоном Манделой жизненных принципов и преданность его служения человечеству в области урегулирования конфликтов, межрасовых отношений, поощрения и защиты прав человека, обеспечения гендерного равенства, прав детей и других уязвимых групп населения, а также улучшения положения малоимущих социальных групп, не достигших достаточного уровня развития¹. Резолюция также признала ценность вклада Нельсона Манделы в международную борьбу за демократию и содействие установлению мира во всем мире.

Интересно, что о кончине Манделы стало известно, когда в Совете Безопасности ООН шли дебаты, посвященные трибуналам по бывшей Югославии и Руанде. Как только эта информация подтвердилась, в Совбезе была объявлена минута молчания, которую дипломаты провели стоя. А когда штаб-квартира ООН опустела, председатель Совета Безопасности (тогда постпред Франции Жерар Аро) зачитал совместное заявление от имени членов Совета, назвав Манделу «вдохновляющим лидером, который изменил жизни миллионов людей по всему миру». А Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отложил свою рабочую поездку в Париж, дабы выразить соболезнования по поводу кончины этого великого человека.

С «молодым» праздником связана «молодая» традиция проводить акцию «67 минут помощи». Каждый год, 18 июля, в день рождения Нельсона Манделы, ООН и Фонд Нельсона Манделы призывают всех потратить 67 мин на то, чтобы помочь другому². Чем же обусловлен выбор этого числа – 67? Ровно 67 лет своей жизни Нельсон Мандела посвятил делу мира и гуманизма. Он проявил себя как защитник прав человека, даже подвергся тюремному заключению как политический преступник. Он был миротворцем мирового масштаба, а также стал первым президентом свободной Южной Африки, избранным демократическим путем. Не зря заместитель постпреда России при ООН отметил, что имя Манделы ассоциируется во всем мире с идеалами свободы и равенства.

В память об этом великом человеке Организация Объединенных Наций резолюцией от 6 июня 2014 г. № 68/275 учредила Международную премию имени Нельсона Манделы, а резолюцией от 2 апреля 2015 г. № 69/269 утвердила положение об этой премии³. Премия присуждается раз в пять лет за выдающиеся достижения двум людям (женщине и мужчине), которые отбираются из разных географических регионов. Но есть одно обязательное условие: премию не может получить действующий сотрудник какой-либо из организаций системы ООН.

Награда имеет вид плакетки, на которой выгравированы соответствующая благодарственная надпись и подходящее высказывание Нельсона Манделы. Цитата выбирается Комитетом ООН по присуждению данной премии, который прежде должен проконсультироваться по этому вопросу с Генеральным секретарем ООН.

Премию вручают тому, кто посвятил свою жизнь служению идеалам гуманизма, а также содействию целям и принципам Организации Объединенных Наций, тем самым отдавая дань уважения Нельсону Манделе, который прожил замечательную

¹ Международный день Нельсона Манделы. Сайт ООН // URL: <http://www.un.org/ru/events/mandeladay>.

² Там же.

³ Там же.

жизнь, став инициатором многих политических и социальных преобразований. Сам факт присуждения премии свидетельствует о том, что удостоенный ее человек предан целям содействия примирению, социальной сплоченности и развитию общественного самосознания.

В заключение я хотел бы привести слова великого Нельсона Манделы: «Мы можем изменить мир и сделать его лучше. Вы можете внести в это свой вклад». Эта фраза должна стать девизом для тех, кто хочет сделать что-то на благо человечества.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Кривун Виктория Юрьевна

Студент Института государственного и международного права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: mp@usla.ru

Krivun Victoria

Urals State Law University (Yekaterinburg), e-mail: mp@usla.ru

Кто из нас не мечтает изменить мир? Особенно в молодости, когда мы полны идей и энергии, чувствуем в себе силы решить любую проблему, ищем любую возможность реализовать себя. Замечательно, что такая международная структура, как Организация Объединенных Наций, правильно оценивает потенциал представителей молодого поколения и уделяет большое внимание взаимодействию с молодежью из самых разных стран.

Итак, какую политику проводит ООН в отношении молодого поколения? Как молодые люди могут внести свой вклад в деятельность ООН?

Во-первых, следует упомянуть об учреждении Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мун в 2013 г. должности Посланника Генерального секретаря по делам молодежи¹. Основным документом, определяющим его деятельность, является Всемирная программа действий, касающаяся молодежи². В Программе обозначена цель – решение проблем, с которыми сталкивается молодежь (реализация права на образование, голод и бедность, организация досуга и др.). В целом она направлена на укрепление потенциала молодежи, повышение возможностей их «полного, эффективного и конструктивного» участия в жизни общества.

Деятельность, осуществляемая Посланником Генерального секретаря ООН, сводится к четырем приоритетным задачам: 1) участие (расширение возможностей молодежи для участия в деятельности ООН); 2) поддержка (привлечение молодежи к общественной и политической работе и повышение внимания мировой общественности к проблемам молодежи); 3) сотрудничество (привлечение государств, частных инвесторов, научных и образовательных учреждений, институтов гражданского общества к участию в реализации молодежных программ ООН); 4) гармонизация (усиление координации и достижение согласованности в деятельности различных учреждений ООН).

Во-вторых, стоит отметить возрастающую популярность среди студентов различных университетов такого мероприятия, как Модель ООН. Главная задача меропри-

¹ Office of the Secretary-General's Envoy on Youth // URL: <http://www.un.org/youthenvoy>.

² World Programme of Action for Youth (WPAY) // URL: <http://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/wpay2010.pdf>.

ятия – знакомство учащихся с процедурой работы органов и специализированных учреждений ООН, с процессом поиска решения путем переговоров представителей разных стран, в роли которых и выступают студенты-участники Модели.

В-третьих, важным направлением деятельности ООН является организация различных онлайн-платформ для общения молодежи. Среди них наиболее известны инициатива «Голоса молодежи», позволяющая молодым людям из самых разных уголков планеты поделиться своими мыслями о волнующих их проблемах, обсудить наиболее острые социальные вопросы, предложить пути их решения; инициатива «Мир, который мы хотим», суть которой заключается в проведении различных диалогов, обсуждений по определенной проблематике, касающейся всего мира либо отдельных стран.

Однако наибольшее значение имеет непосредственное участие молодежи в деятельности ООН. Есть несколько основных способов такого участия:

Международный молодежный совет (IYC): его цель – поддержать молодых лидеров, их идеи и проекты развития, в целом сформировать механизм участия молодежи в развитии мира;

молодежные объединения ООН (UNYAs): создаются непосредственно самими молодыми людьми и позволяют познакомиться с деятельностью ООН, в частности, при помощи проведения собственных моделей ООН, организации образовательных программ, дискуссий;

программа «Молодежные делегаты ООН»: предполагает включение представителей молодежи в делегации стран-участников ООН в официальных заседаниях;

программы стажировки¹: лица, оканчивающие обучение в высшем учебном заведении или обучающиеся в аспирантуре (магистратуре), могут подать заявку на прохождение стажировки в основных органах ООН и получить возможность в течение нескольких месяцев непосредственно знакомиться с ежедневной работой ООН, участвовать в ее мероприятиях, внести свой посильный вклад в решение существующих проблем. Однако необходимость самостоятельно оплачивать все расходы, связанные со стажировкой, делает данный вид участия в деятельности ООН недоступным для большинства студентов;

программа добровольцев ООН: ее основная цель – поддержка мирного сосуществования на планете и содействие общемировому развитию. Принимать в ней участие можно как через онлайн-сервисы, так и «на местах»; для этого вовсе не обязательно посещать другие страны с различного рода гуманитарными и миротворческими миссиями; весомый вклад можно внести и на территории своей страны.

На мой взгляд, именно последний способ и является самым доступным и предпочтительным для молодежи, поскольку позволяет максимально раскрыть свой потенциал, реализовать свои идеи и замыслы, а главное – увидеть собственными глазами и прочувствовать проблемы современного мира.

Итак, Организация высоко ценит и всячески поощряет участие молодежи в своей деятельности. На мой взгляд, это связано с тем, что Организация осознает возможности молодых людей в решении проблем, понимает, что молодежи нужно напрямую вносить вклад в формирование будущего мира. В свою очередь молодежь не должна упускать предоставляемый ей шанс и забывать о том, что, строя свое будущее, можно способствовать развитию всего мира.

¹ «Job Seekers». The United Nations // URL: <http://www.un.org/en/sections/resources/job-seekers/index.html>.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И ВЬЕТНАМ**Нгуен Тхи Ким Ань**

Студент Юридического института
Российского университета дружбы народов (Москва),
e-mail: mp@usla.ru

Nguyen Thi Kim Anh

People's Friendship University of Russia (Moscow), e-mail: mp@usla.ru

20 сентября 1977 г. Вьетнам официально стал членом Организации Объединенных Наций (ООН), хотя в государстве ощущалось противодействие этому решению. Данное событие ознаменовало новый период становления многосторонней дипломатии страны, а также внесло огромный вклад в ее обновление и развитие после войны. Естественно, будучи членом ООН, Вьетнам способствует укреплению своей позиции на международной арене.

ООН – это самая крупная международная организация. Представитель Вьетнама в 1997 г. был избран вице-председателем ГА ООН. Более того, Вьетнам входит в Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС), являлся членом Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии с 1997 по 1999 г.; участвует в работе Организации по вопросам образования, науки и культуры ООН (ЮНЕСКО) с октября 2001 г. В 2003 г. Вьетнам стал членом Международного агентства по атомной энергии, получив 137 голосов государств-членов ООН. Вьетнам также член Управляющего совета Программы развития и Программы населения ООН.

16 октября 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН избрала Вьетнам в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН (это решение поддержали 183 государства-члена ООН).

Таким образом, уже на протяжении 38 лет Вьетнам и ООН (в том числе специализированные учреждения ООН) эффективно взаимодействуют во всех сферах: культурной, образовательно-социальной, экономико-финансовой, а также в области безопасности на разных уровнях. Вопросы защиты прав человека занимают центральное место в этих отношениях. Недостаточная защита прав человека – это проблема не только каждого конкретного государства, но и всего международного сообщества. Вьетнам как самостоятельное суверенное государство и как член ООН традиционно обращает особое внимание на решение задач в этой области. Он постепенно совершенствует механизмы защиты прав человека, и не последнюю роль в этом играет ООН.

12 ноября 2013 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН были избраны 14 новых членов Совета ООН по правам человека. Сейчас в состав Совета входят 47 государств, которые избираются большинством голосов членов ГА ООН путем прямого тайного голосования. Состав Совета определяется на основе принципа справедливого географического распределения.

Вьетнам был избран членом Совета на срок с 2014 по 2016 г., получив поддержку 184 государств-членов ООН. Членство в Совете важно не только для внутренней политики, но и для укрепления позиции Вьетнама в мире. Это событие подчеркивает правильность выбранного Вьетнамом направления политики в области защиты прав человека, которую определяет коммунистическая партия. Все направления внутренней и внешней политики страны осуществляются на основе принципа уважения,

обеспечения прав человека, а также нацелены на укрепление международного сотрудничества в этой сфере. После вступления в Совет Вьетнам, безусловно, получил дополнительный стимул для ускорения развития в указанном направлении. Это событие имеет серьезное значение для повышения авторитета страны на международной арене, который снижают внутренние и внешние факторы враждебности, создающие у международного сообщества ложное представление о недостаточной защите прав человека во Вьетнаме (это подтверждает, например, то, что некоторые представители государств публично выступали против избрания Вьетнама в Совет ООН по правам человека).

Членство в Совете – это, несомненно, результат усиления внешнеполитической независимости, а также активного участия в межгосударственных союзах и объединениях. Авторитет страны в мире стремительно возрастает, ярким примером чему служит участие Вьетнама в решении стратегических вопросов и вопросов безопасности в целом наравне со всеми постоянными членами Совета Безопасности ООН.

В Конституции Вьетнама указано: «Человек – это не только объект, но и причина развития страны». Следовательно, человек (а также права человека) – это высшая цель развития страны; защита прав человека осуществляется в первую очередь государством, что нашло закрепление в подавляющем большинстве законодательных актов Вьетнама.

Таким образом, избрание Вьетнама в Совет говорит о доверии к нему государств-членов ООН, а также означает для него возможность выражения своей позиции по широкому кругу актуальных проблем, стоящих перед международным сообществом, и обмена опытом в области защиты прав человека.

Библиография

«Job Seekers». The United Nations // URL: <http://www.un.org/en/sections/resources/job-seekers/index.html>.

Office of the Secretary-General's Envoy on Youth // URL: <http://www.un.org/youthenvoy>.

World Programme of Action for Youth (WPAY) // URL: <http://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/wpay2010.pdf>.

Международный день Нельсона Манделы. Сайт ООН // URL: <http://www.un.org/ru/events/mandeladay>.

Олеандров В. Л. ООН и идеология мирового сообщества // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/oon-i-ideologiya-mirovogo-soobshchestva№ixzz3pUVDMbkh>.

Организация Объединенных Наций. Посланцы мира // URL: <http://outreach.un.org/mop/ru>.

Bibliography

«Job Seekers». The United Nations // URL: <http://www.un.org/en/sections/resources/job-seekers/index.html>.

Mezhdunarodnyj den' Nel'sona Mandely. Sajt OON // URL: <http://www.un.org/ru/events/mandeladay>.

Office of the Secretary-General's Envoy on Youth // URL: <http://www.un.org/youthenvoy>.

Oleandrov V. L. OON i ideologija mirovogo soobshchestva // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/oon-i-ideologiya-mirovogo-soobshchestva№ixzz3pUVDMbkh>.

Organizacija Ob'edinennyh Nacij. Poslancy mira // URL: <http://outreach.un.org/mop/ru>.

World Programme of Action for Youth (WPAY) // URL: <http://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/wpay2010.pdf>.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *Н. Н. Рассохина, Т. А. Шиловских*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 01.03.16.
Уч.-изд. л. 5,48.
Объем 6,93 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru